

С. С. Скорвид
ЧЕШСКИЙ ЯЗЫК

1.1.0. Общие сведения.

1.1.1. Чешский язык (Ч.я.) именуется носителями *český jazyk* (официальное название), или *čeština* (общераспространенное название). Носителями Ч.я. являются чехи (самоназвание *Češi*, ед. ч. *Čech*).

1.1.2. Ч.я. относится к западнославянской подгруппе славянских языков, входящих в индоевропейскую языковую семью.

1.1.3. Ч.я. распространен главным образом в Чешской Республике, на территории исторических земель Чехии и Моравии (включая моравскую часть Силезии), где на нем говорит ок. 10 млн. чел. Свыше 500 тыс. чехов проживает за пределами ЧР: в первую очередь в Словакии (где, однако, нет компактного чешского населения), в Польше и далее в черте окраин бывшей Австрийской империи (с 1867 г. – Австро-Венгрии), на территории современных Румынии, Хорватии и Боснии, и бывшей Российской империи, на территории современных России, Украины, Молдавии, Казахстана и государств Средней Азии, а также в Австрии, ФРГ, Франции, Бельгии, США, Канаде и Аргентине.

1.2.0. Лингвогеографические сведения.

1.2.1. Дialectы Ч.я. на территории Чехии и Моравии делятся на собственно чешские (т. е. диалекты Чехии), среди которых вычлняются центральные (среднечешские), северо-восточные, юго-западные и переходные к моравским юго-восточные, и три группы диалектов Моравии: центральноморавские («ганацкие»), североморавские (силезские, или «ляшские») и восточноморавские (моравско-словацкие). Происходившая с чрезвычайной интенсивностью во 2-й пол. XVIII и в XIX в. интеграция собственно чешских диалектов обусловила возникновение такого наддиалектного образования, как (народно-)обиходный Ч.я. (*obecná čeština*), которое выросло из возобладавшего на территории Чехии центрального интердиалекта и сейчас во всяком случае в рамках этого региона превратилось в общенародную субстандартную форму Ч.я. Спорен вопрос о возникновении параллельных наддиалектных образований в Моравии: против такой точки зрения возражают лингвисты, полагающие, что историческая интеграция внутри названных групп диалектов Моравии была гораздо меньшей и на их территории сложились лишь областные интердиалекты, какие не имеют характера региональных разновидностей обиходного Ч.я.

1.3.0. Социолингвистические сведения.

1.3.1. В Чешской Республике Ч.я. имеет статус официального языка (*úřední jazyk*).

1.3.2. Литературный Ч.я. обнаруживает весьма глубокие отличия от наддиалектных и диалектных форм на различных языковых уровнях, что исторически обусловлено его достаточно искусственным возрождением во 2-й половине XVIII – XIX в. с опорой на старый литературный Ч.я., возникший в конце XIII – нач. XIV в. и после 300-летнего непрерывного развития достигший расцвета в XVI в. Базой языка старой чешской письменности являлись в основном центральные чешские диалекты, хотя его норма допускала и регионализмы (в том числе моравизмы); такое положение отчасти сохранялось и в возрожденном литературном Ч.я. до 2-й половины XIX в.

Взаимный отрыв литературного и обиходного Ч.я. начал сокращаться только после 1918 г. В новообразованном чехословацком государстве обе формы Ч.я. вступили во взаимодействие, приведшее к определенной демократизации литературной (письменной) нормы, а с другой стороны – к развитию особого устного идиома, который в ряде социолингвистических работ рассматривается как разговорный вариант литературного Ч.я. (*hovorová čeština*).

Далее в статье описывается в основном литературный Ч.я. с учетом разговорного варианта и в некоторых случаях состояния в обиходном языке.

1.4.0. Первые чешские памятники написаны латиницей без адаптации к особенностям Ч.я. В дальнейшем в истории чешской письменности сменились три графические системы: первая и вторая лигатурные, основанные на передаче отсутствующих в латыни фонем буквенными комбинациями (ср., напр., обозначение /č/ соответственно как *chz* и *cz* или *czz*), и диакритическая с использованием надстрочных знаков (в указанном случае *č*), авторство которой приписывают Я. Гусу.

К диакритической системе, окончательно возобладавшей в XVI в., восходит и современная чешская графика. В ней используются следующие надстрочные знаки: ˇ («гачек») обозначает: 1) шипящие /č/, /š/, /ž/ и дрожаше-шипящую /ř/; 2) мягкие /nʹ/, /lʹ/, /dʹ/, кроме позиций перед /i/ и /e/, у строчных *t* и *d* – только в рукописном тексте (*daň* ‘налог’, *Ān-Šan* ‘Тянь-Шань’); 3) над буквой *e* – мягкость предшествующих /nʹ/, /lʹ/, /dʹ/, йотацию губных и эпентезу /nʹ/ (в моравском произношении также йотацию) после *m* (*něco* [nʹeco] ‘что-то’, *vědět* [vjedʹet] ‘знать’, *město* [mnʹesto] ‘город’); ʹ выступает как вариант ˇ при строчных *t* и *d* в печатных текстах, обозначая мягкость соответствующих согласных (*pleť* ‘кожа’); ˘ обозначает долгие гласные (*stát* [stāt] ‘стоять’, *lidé* [lidē] ‘люди’, *úroda* [ūroda] ‘урожай’); ° над *u* обозначает долгую /ū/, возникшую из /ō/ (*dům* [dūm] ‘дом’).

1.5.0. В истории Ч.я. выделяют: древнечешский период, условно ограничиваемый 1500 г. (*stará čeština*), в рамках которого различают дописьменный и письменный этапы; старочешский период с XVI до 1-й половины XVIII в. (*starší čeština*, при этом литературный язык XVI в. иногда именуют «гуманистическим» – *humanistická čeština*, а следующих полутора веков «барочным» – *barokní čeština*); новочешский период (*nová čeština*) с начала чешского национального возрождения во 2-й половине XVIII в. (литературный язык этого времени называют *obrozená čeština*) до современности (*současná čeština*).

На дописьменном этапе на базе западнославянских племенных диалектов Чехии и Моравии формировался язык средневековой чешской народности. Черты названных диалектов и собственно Ч.я. отражали на этом этапе памятники на старо- или церковнославянском языке (ср. формы **обѣщѣннѣ**, **подазь** с зап.-слав. либо чеш. рефлексам **tj*, **dj* в «Киевских листках» X в., **модлитѣж** с зап.-слав. сохранением **dl* и чешской деназализацией **o* в «Пражских отрывках» XI в. и др.), а также отдельные слова (так наз. богемики) и краткие приписки (глоссы) в латинских текстах. Первая запись связной чешской фразы – глосса нач. XIII в. в грамоте 1057 г. об учреждении Литомержицкого капитула.

Древнечешский язык письменной эпохи хорошо документирован многочисленными памятниками разнообразных жанров, стихотворных и прозаических, духовных и светских, в том числе также некнижного характера, материал которых позволяет проследить основные изменения в Ч.я. В исторической фонетике это перегласовки *ā > ě*, *ʹu (> ů) > i*, *ʹo (> ō) > ě*, дифтонгизации и монофтонгизации: *ě > ie > ě*; *ō > o > ů* и др.; в морфологии перестройка типов склонения и спряжения, развитие категории одушевленности/не-

одушевленности существительных, утрата двойственного числа, утрата синтетических форм прошедшего времени глаголов и т. д.

Старочешский язык XVI в. представлен уже большим количеством печатных книг. Его литературная норма получила закрепление в грамматиках (первая из них – 1533 г.). В то же время усилилась стилистическая дифференциация этой нормы, сложился ее «высокий» вариант, не вобравший некоторых явлений народного языка: таких, как дифтонгизация $\bar{e} > \bar{e}i$ ($> ej$), изменение $\bar{e} > \bar{i}$, протеза v перед o в начале слова и др. Эталоном «высокой» нормы XVI в. стала изданная в 1576–1594 гг. протестантская Кралицкая Библия.

В XVII в., после поражения чешских протестантов в битве у Белой Горы (1620 г.), традиции языка Кралицкой Библии продолжали в основном писатели-эмигранты. Норма же языка католической литературы на территории самой Чехии оказалась приближена к живой речи, что деятели чешского национального возрождения расценили как упадок.

Альтернативой этому состоянию в конце XVIII – нач. XIX в. стал возврат к «высокой» норме XVI в. Ее кодификация для новой эпохи Й. Добровским (*Ausführliches Lehrgebäude der böhmischen Sprache*, 1809), поддержанная и дополненная особенно в области лексикографии деятелями младшего поколения чешской интеллигенции, в первую очередь Й. Юнгманом (*Slovník česko-německý*, 1836–1839), отвечала также идее создания литературного Ч.я. в духе чешско-словацкой и, шире, славянской языковой взаимности. Изначально присущая этой литературно-языковой программе пуристическая тенденция усилилась во 2-й половине XIX в.

Пересмотр кодификации литературного Ч.я., осуществленный с младограмматических позиций Я. Гебауэром в 1890-е гг., закрепил его отрыв не только от диалектных, но и от сложившейся обиходно-языковой формы. В XX в. в связи с расширением сферы функционирования литературного Ч.я. и активизацией его общественной роли этот отрыв частично уменьшился (см. 1.3.2.).

1.6.0. Ряд внутривидовых изменений на разных уровнях Ч.я. обязан его давним контактам с немецким языком. Начавшиеся еще в период племенных диалектов, эти контакты особенно усилились с XIII в. в условиях интенсивной немецкой колонизации чешских земель и вновь активизировались с вхождением Чехии в империю Габсбургов в XVII в. При этом следует различать результаты ареального взаимодействия Ч.я. с немецким и литературно-языковых (книжных) контактов.

Среди ареальных явлений отмечается возможная связь некоторых процессов исторической фонетики Ч.я. с подобными им немецкими (вышеназванные перегласовки, дифтонгизации и монофтонгизации, а также отдельные последствия депалатализации согласных, в частности, совпадение твердого l и мягкого l' в так наз. среднеевропейском l), наибольшее же количество контактных черт наблюдается в плане выражения некоторых семантических категорий, в функционировании тех или иных грамматических форм и синтаксических конструкций, в области словообразования, лексики и фразеологии. Из семантико-грамматических явлений Ч.я. это: частотное употребление указательного местоимения *ten* для выражения определенности имени (аналогично немецкому определенному артиклю); распространение конструкций с глаголом 'иметь' взамен более ранних конструкций с глаголом 'быть', как посессивных, так и модальных (*mám něco napsat* 'мне надо кое-что написать' – нем. *ich habe etwas zu schreiben*) и квазиперфектных со значением «результативного состояния» (*mám napsáno* 'я написал/у меня написано' – нем. *ich habe geschrieben*) и др.; широкое функционирование отглагольных существительных на $-ní/-tí$, частично вытесняющих инфинитив (*něco k pítí* 'что-нибудь попить' – нем. *etwas zu*

trinken с инфинитивом и диал. *zum Trinken* с отглагольным существительным); развитие некоторых предложно-падежных конструкций, объектных и адвербиальных (*čekat na* + вин. п. ‘ждать кого-л./чего-л.’ – нем. *warten auf*, *prosit o* + вин. п. ‘просить о чем-л.’ – нем. *bitten um*, *před týdnem* ‘неделю назад’ – нем. *vor einer Woche*) и т. д. В словообразовании контактные явления обнаруживаются особенно в сфере глагольной префиксации (*předejít* ‘опередить, обогнать’ – нем. *vorgehen*, *vyměnit* ‘заменить, обменять’ – нем. *auswechseln*, *nabídnout* ‘предложить’ – нем. *anbieten* и др.), а в лексике – прежде всего в семантической структуре многозначных слов (*běžet* ‘бежать (о человеке)’, ‘быстро течь (о воде)’, ‘работать (о машинах)’ – нем. *laufen*), как и в многочисленных лексических заимствованиях.

Книжным путем из немецкого Ч.я. усвоил отдельные словообразовательные модели (ср. уже древнечешский тип *bohobojný* ‘богобоязненный’ – нем. *gottesfürchtig*); при поддержке немецкого в Ч.я. могли шириться также некоторые синтаксические конструкции (например, *accusativus cum infinitivo* при глаголах восприятия). С другой стороны, многие лексические германизмы в силу специфики развития литературного Ч.я. в XIX в. были отторгнуты им, оставшись принадлежностью диалектного или обиходного языка.

Восточно- и североморавские (силезские) диалекты Ч.я. связаны контактной общностью соответственно со словацкими и с польскими. Так, для силезских диалектов характерно польского типа ударение на предпоследнем слоге, сокращение долгих гласных при их качественных изменениях, как в польских говорах ($\bar{a} > o$ и т. п.), развитие категории твердости/мягкости согласных, а в морфологии, например, выражение категории мужского лица существительных во мн. числе или образование псевдоористных форм глагола типа *pisolch* ‘я писал’.

В остальном контакты Ч.я. с другими славянскими осуществлялись через литературный язык. Интенсивные в период чешского национального возрождения, а в случае словацкого и русского языков также в XX в., эти контакты сказались в основном в лексике (см. 2.6.0.) и лишь в незначительной мере в грамматике (ср. заимствование из русского в XIX в. действительных причастий прошедшего времени на $-v/\bar{s}i$).

Аналогично заимствования из культурных языков Европы, включая классические, только в узких рамках были и остаются способными затрагивать также грамматическую систему литературного Ч.я. (ср., с одной стороны, кодифицированное Я. Гебауэром склонение латинизмов и грецизмов, оканчивающихся в именительном падеже ед. числа на $-us/-os$, $-um/-on$, с устранением этих элементов в остальных формах, а с другой – современном Ч.я. явлений, типологически характерных для языков аналитического строя, благодаря проникновению в него многочисленных англо-американизмов, например: *obchod s retro / retro obchod* ‘ретро-магазин’ (существительное/несогласуемое прилагательное), *aby to vypadalo retro* ‘чтобы это выглядело в стиле ретро’ (наречие).

2.0.0. Лингвистическая характеристика.

2.1.0. Фонологические сведения.

2.1.1. В современном литературном Ч.я. десять гласных фонем, образующих две подсистемы, последовательно противопоставленные по признакам краткости/долготы.

Г л а с н ы е

Подъем	Краткие			Долгие		
	Ряд					
	Передний	Средний	Задний	Передний	Средний	Задний
Верхний	i		u	ī		ū

Средний	е		о	ě		ō
Нижний		а			ā	

Примечание: Фонемы /i/ и /ī/ обозначаются каждая двумя буквами: *i*, *u* и *í*, *ú*; их написание после *n*, *t*, *d* указывает на мягкость/твердость соответствующей согласной (кроме заимствованных слов), а в остальном является традиционным: *bít* [bīt] ‘бить’ и *být* [bīt] ‘быть’. Две буквы используются также для обозначения долгой /ū/ (см. 1.4.0.). Долгая /ō/ встречается лишь в заимствованиях и в экспрессивных словах.

В систему вокализма Ч.я. входят три нисходящих дифтонга: *o*, *e*, *a* (орфографически *oi*, *eu*, *ai*), из которых последние два встречаются только в заимствованиях, междометиях и звукоподражательных словах.

Функциональными эквивалентами гласных выступают также слогообразующие плавные сонанты *r* и *l* (орфографически *r*, *l*), не различающие краткости/долготы. Обычно их рассматривают как варианты соответствующих согласных в позициях после согласного в конце слова и между согласными в середине слова (но не в начале корня после консонантной приставки, как в глаголах *zrmoutit* ‘опечалить’, *zlhostejnět* ‘стать безразличным’, где сонанты *r* и *l* – неслоговые). В отдельных случаях слогообразующую функцию могут выполнять и сонанты *m*, *n* (см. 2.1.4.).

С о г л а с н ы е

По способу образования			По месту образования			
			Лаби- альные	Дентально- альвеолярные	Пала- тальные	Велярные и ларингаль- ные
Шумные	Смычные	Зв.	b	d	dʰ	g
		Гл.	p	t	tʰ	k
	Фрикативные	Зв.	v	z ž		h
Гл.		f	s š		ch	
	Аффрикаты	Гл.		c ě		
Сонорные	Носовые		m	n	nʰ	
	Боковые			l		
	Дрожащие			r ř		
	Скользящие				j	

2.1.2. Словесное ударение в Ч.я. – экспираторное, закрепленное за первым слогом слова или такта. Односложные предлоги, как правило, перетягивают ударение на себя, особенно в группах с одно- и двусложными существительными или местоимениями: *'na hrad* ‘в замок’, *'do Prahy* ‘в Прагу’, *'od nás* ‘от нас’, *'bez tebe* ‘без тебя’. Остальные предлоги, некоторые союзы и во фразовых условиях другие одно- и двусложные слова выступают как безударные проклитики. Формы глагола *být* в составе аналитических форм прошедшего времени (*jsem*, *jsi* и т. д.) и сослагательного наклонения (*bych*, *bys* и т. д.), возвратные частицы *se* и *si*, односложные формы местоимений (*mě* ‘меня’, *ti* ‘тебе’ и т. п.) и некоторые другие короткие слова являются энклитиками: *'Já jsem si tě tam ani 'nevšiml* ‘Я тебя там и не заметил’.

В словах и тактовых группах, содержащих не менее трех слогов, наряду с главным факультативно реализуется также слабое побочное ударение, которое падает, как правило, на нечетные слоги, считая от начала (третий, пятый), реже – главным образом в сложных словах – на четные: *'neu"vědo"mělý* ‘несознательный’, *'devěta"třicet* ‘тридцать девять’. На первом принципе постановки побочного ударения основаны размеры в чешском силлаботоническом стихосложении.

2.1.3. Особенности позиционной реализации обнаруживают в Ч.я. прежде всего согласные фонемы.

Шумные звонкие согласные оглушаются в середине слова перед глухими согласными и в конце слова, если за ним не следует слово, начинающееся со звонкой согласной: *Rozchod* [roschot] ‘Разойдись!’ (команда), *ukaž* [ukaš] *mi to* ‘покажи мне это’. Глухой вариант имеет также сонорная ř, которая, в отличие от парных звонких фонем, оглушается и после глухой согласной: *přát* [př^šāt] ‘желать’ и т. п.

Шумные глухие согласные озвончаются в середине и в конце слова перед звонкими согласными (кроме /v/): *platba* [pladba] ‘платеж’, *vlak brzdi* [vlag^zbrzdī] ‘поезд тормозит’. В данной позиции реализуются и звонкие варианты непарных глухих фонем /c/, /č/ – соответственно [z], []: *leckdo* [le^zgdo] ‘кое-кто’, *proč by ne* [pro^z bi^zne] ‘почему бы и нет’. Исключение составляет группа *sh*: в Чехии здесь чаще всего наступает оглушение *h*, регрессивное же озвончение *s*, допускаемое литературной орфоэпией, характеризует моравское произношение: напр., *shoda* [schoda], моравское [zhoda] ‘согласие’.

Перед сонорными и /v/ на стыке слов могут озвончаться глухие и не подвергаться оглушению звонкие согласные в конце некоторых предлогов, наречных и модальных слов. В предлоге *přes* согласная в подобных случаях озвончается всегда (*přes most* [př^zez^zmost] ‘через мост’), в предлоге *s* – часто (в конструкциях с родительным падежом предлоги *s* ‘с’ и *z* ‘из’, как правило, совпадают), но не перед местоименными формами (*s námi* [s^znāmi] ‘с нами’); в предлогах *bez* ‘без’, *nad* ‘над’, *od* ‘от’, *pod* ‘под’, *před* ‘перед’ и *v* ‘в’ оглушение согласного в данной позиции отсутствует (ср. *bez vůně* [bez^zvůn^ze] ‘без запаха’, но *bez voní* [bes^zvon^zī] ‘сирень пахнет’).

Перед гласными в начале слова после паузы и факультативно в начале и в середине слова в позиции «зияния», а также после предлогов и изредка приставок на согласную в Ч.я. появляется так наз. глухой гортанный приступ: *otevřu okno* [‘otevr^zu (‘)okno] ‘открою окно’, *použít* [po(‘)užīt] ‘воспользоваться’ (в отличие, например, от *pouze* [po ze] ‘только’), *k autu* [k (‘)autu] ‘к машине’. Звонкие согласные перед таким приступом (а при его отсутствии – перед гласным) оглушаются: *v autě* [f^zaut^ze] / [f^zaut^ze] ‘в машине’ и т. п.

Согласная /n/ перед /k/, /g/ представлена позиционным вариантом [ŋ]: *tenký* [teŋkī] ‘тонкий’, *tango* [taŋgo] ‘танго’.

2.1.4. Слогообразующими элементами в Ч.я. являются гласные (V), дифтонги (D) и слоговые сонанты (S). Возможные типы слога: I. (‘)V/(‘)D: *a* ‘и, а’ (союз), *ou-ško* ‘ушко’; II. (‘)VC/(‘)DC, (‘)VCC: *už* ‘уже’, *auk-ce* ‘аукцион’, *erb* ‘герб’; III. CV/CD/CS: *ru-ka* ‘рука’, *hou-ba* ‘гриб’, *vr-ba* ‘верба’; IV. CVC/CDC/CSC: *had* ‘змея’, *kouř* ‘дым’, *mlč* ‘молчи’ (2 л. ед. ч. повел. накл.); V. модификации типов III и IV с консонантными группами в начале и/или в конце слога. До слогообразующего элемента допустимы две, три и (не перед S) четыре согласных: *ská-la* ‘скала’, *dlou-ho* ‘долго’, *čtvr-tý* ‘четвертый’, *vstříc* ‘навстречу’, в том числе, по крайней мере в начале слова, группы сонорных, включая *r* и *l*, с последующими сонорными или шумными (кроме слогов с S): *rmou-tit* ‘печалить’, *lsti-vý* ‘хитрый’, *jmě-ní* [jmn^ze-n^zī] ‘имущество’; ср. также *třpyt* ‘блеск’ с ř между шумными. После слога-

образующего элемента могут стоять только две и изредка (кроме слогов с S) три согласных: *šept-mo* ‘шепотом’, *smršt* ‘смерч’, *zábst* ‘мерзнуть’); при этом встречаются, особенно в конце слова, группы с сонорными перед другими сонорными или шумными, но почти отсутствуют группы с сонорными после шумных согласных (исключая *ř*: *pepř* ‘перец’). Оказываясь в подобной позиции, не только *r* и *l*, но в отдельных случаях и *m*, *n* становятся слогообразующими (*se-dm* ‘семь’, *o-sm* ‘восемь’ с вариантами произношения [se-dum], [(‘)o-sum]; Washington [vošinkt] и [vošinkton]).

Наиболее характерными типами структуры слога в Ч.я. являются III, IV и V; в рамках последнего спектр ограничений в обиходном языке несколько шире: здесь подверглись упрощению многие группы согласных как в начале, так и в конце слога: [di-cki] ‘всегда’ (лит. *vždy-cky*), [řbi-tov] ‘кладбище’ (лит. *hřbi-tov*), [du] ‘иду’ и [poť] / [pōť] ‘пойди (сюда)’ (лит. *jdu, pojd*), в их числе старые конечнослоговые группы шумных согласных с *l* до приобретения им слоговости: [jar-ko] ‘яблоко’ (лит. *ja-bl-ko*), [čet] ‘читал’ (лит. *če-tl*) и др.

Долгота/краткость является признаком гласных фонем; лишь в обиходном языке наблюдается их сокращение (в первую очередь *ī*, *ū*) и продление в определенных слоговых, межслоговых и фразовых условиях: [pēn’i] при лит. *neni* (отрицательная форма 3-го лица ед. числа глагола ‘быть’) и т. п.

2.2.0. Морфонологические сведения.

2.2.1. Фонологическая структура слова в Ч.я. определяется закономерностями строения слога (см. 2.1.4.), а с другой стороны – межслоговыми явлениями, которые нередко имеют межморфемный характер.

Современный Ч.я. лишь ограниченно допускает на стыке слогов (морфем) сочетания двух одинаковых или близких согласных, которые обычно стягиваются в один: *kamenný* [kamenī] ‘каменный’, *babiččin* [babičín] ‘бабушкин’, *dražší* [drašī] ‘более дорогой’, *francouzští* [franco šťī] ‘французские’ (им. п. мн. ч. м. р. одуш.), *rozžehnout* [rozžehno t]/[rožehno t] ‘зажечь’. В случаях последнего типа, а также в формах словоизменения (*pecka* ‘косточка’ – дат.-местн. п. ед. ч. *pecce*, 2 л. повел. накл. *vraťte* ‘верните’ и т. п.) отсутствие стяжения согласных бывает вызвано стремлением сохранить морфемную структуру. Двойные согласные не сливаются также на стыке частей сложного слова и двух слов, в том числе предлога с существительным: *bezzubý* [bezubī] ‘беззубый’, но *bez zubů* [bez_zubū] ‘без зубов’.

На стыке слогов, граница которых может совпадать и не совпадать с морфемной, наступают также другие ассимиляции, в частности: *ts*, *ds*, *tc*, *dc* > [c]: *bohatství* [bohactvī] ‘богатство’, *srdce* [s ce] ‘сердце’, *tš*, *dš* > [č]: *větší* [vječī] ‘большой’, *nadšení* [načēn’ī] ‘вдохновение’, *dz* > [z], *dž* > []: *podzim* [požim] ‘осень’ и др. Те же ассимиляции могут происходить в предложных сочетаниях типа *před celnici* [pře_celn’icī] ‘перед таможной’, *pod zemí* [po_žemī] ‘под землей’, а в обиходном Ч.я. и в иных случаях, ср. [rosēm], лит. *pojd’ sem* ‘пойди сюда’.

2.2.2. Фонологическая противопоставленность остальным лексико-грамматическим категориям в Ч.я. прослеживается у междометий и звукоподражательных слов, содержащих фонемы, редкие либо вообще невозможные в собственно чешских словах, иногда в необычных для них сочетаниях (*ó* при восклицаниях, *au* при боли, *fi/pfi* о звуке свиста), или нарушающих действующие в Ч.я. законы строения слога (*pst* ‘тсс’ со слогообразующей функцией шумной фрикативной согласной), а на уровне дистрибуции фонем также

отдельные союзы (сочинительные *a*, *i* и их производные без протетического *j* перед гласной в начале слова).

2.2.3. Существенную роль в словообразовании и словоизменении Ч.я. играют чередования гласных и согласных.

Древнейшие вокалические чередования праславянского аблаутного происхождения в современном Ч.я. непродуктивны: *téci* ‘течь’ – *točit* ‘наливать, цедить’, *potok* ‘поток’; *mořit* ‘морить, мучить’ – *mařit* ‘губить’ – *umřít* ‘умереть’ (< *mer-) – *mrtvý* ‘мертвый’ (< *myr-), либо ограниченно продуктивны: (*do*)*nést* – (*do*)*nosit* – (*do*)*nášet* ‘(до)нести – (до)носить – (до)нашивать’; (*se*)*beru* – (*se*)*brat* – (*s*)*bírat* ‘(со)беру – (со)брать – (со)бирать’ с отражением старого чередования **e* ~ *ь* ~ *ě*; ср. отглагольное существительное *sbor* ‘собрание, состав’ с аблаутом и новообразование *sběr* ‘сбор’ без аблаута. Из чередований, сформировавшихся в истории Ч.я., многие также лексикализованы, в частности, качественные *a* ~ *e*, *ā* ~ *ī*: *úřad* ‘учреждение’ – *úředník* ‘служащий’, *svatý* ‘святой’ (прилаг.) – *světec* ‘святой’ (сущ.), *přítel* ‘друг’ – *přátelé* ‘друзья’, и в ряде случаев количественно-качественные (*řídít* ‘управлять’ – *ředitel* ‘директор’, *bílý* ‘белый’ – *bělejší* ‘более белый’) и количественные (*mladý* ‘молодой’ – *mlád* ‘молод’, *mládenec* ‘юноша’).

Продуктивными или ограниченно продуктивными в рамках определенных категорий остаются в первую очередь следующие чередования гласных:

количественно-качественные: *e* ~ *ī*, *o* ~ *ū*, *u* ~ *o* : *kámen* ‘камень’ – *kamínek* ‘камешек’, *slon* ‘слон’ – *sluně* ‘слоненок’, *hustý* ‘густой’ – *houšť/houští* ‘густые заросли’, *houstnout* ‘густеть’, *přát* ‘желать’ – *přeji, přeješ...* ‘желаю, желаешь...’, *řici* ‘сказать’ – *řekl* ‘сказал’, *dům* ‘дом’ – род. п., дат. п. ед. ч. *domu* и т. д., *houba* ‘гриб’ – род. п. мн. ч. *hub*;

количественные: *a* ~ *ā*, *e* ~ *ē*, *i* ~ *ī*, *u* ~ *ū*: *klas* ‘колос’ – *klásek* ‘колосок’, *léto* ‘лето’ – *letní* ‘летний’, *urazit* ‘обидеть’ – *urážet* ‘обижать’, *mýt* ‘мыть’ – *myji, myješ...* ‘мою, моешь...’, *myl* ‘мыл’, *chválit* ‘хвалить’ – *chval* ‘хваля’, *mířit* ‘целиться’ – *miř* ‘целься’, *mráz* ‘мороз’ – род. п., дат. п., местн. п. ед. ч. *mrazu* и т. д., *jméno* ‘имя’ – род. п. мн. ч. *jmen*, *silá* ‘сила’ – твор. п. ед. ч. *silou*, род. п. мн. ч. *sil*, *úzký* ‘узкий’ – *užší* ‘более узкий’;

чередования *e* ~ \emptyset , *é* ~ \emptyset : *tma* ‘тьма’ – *temný* ‘темный’, *okno* ‘окно’ – *okénko* ‘окошко’, *den* ‘день’ – род. п. ед. ч. *dne* и т. д.

Продуктивные чередования согласных:

k ~ *č* ~ *c*; *h* и *g* ~ *ž* ~ *z*; *ch* ~ *š*: *ruka* ‘рука’ – дат.-местн. п. ед. ч. *ruce*, *ručka* ‘ручка’; *pstruh* ‘форель’ – им. п. мн. ч. *pstruzi*, *pstruží* ‘форелевый’; *biolog* ‘биолог’ – местн. п. мн. ч. (*o*) *biologích*; *černoch* ‘негр’ – им. п. мн. ч. *černoši*, *černošský* ‘негритянский’;

sk ~ *št*, *ck* ~ *čt*: *lidský* ‘человеческий, человеческий’ – им. п. мн. ч. м. р. одуш. *lidští*, *lidštější* ‘более человеческий’; *anglický* ‘английский’ – им. п. мн. ч. м. р. одуш. *angličtí*, *angličtina* ‘английский язык’;

c ~ *č*, *s* ~ *š*, *z* ~ *ž*: *otec* ‘отец’ – звательная форма *otče*, *otčina* ‘отчизна’; *psát* ‘писать’ – *píšu/píši*, *píšeš...* ‘пишу, пишешь...’; (*z*)*kazit* ‘(ис)портить’ – *zkažený* ‘испорченный’;

t ~ *c*, *d* ~ *z*: *vrátit* ‘возвратить’ – *vrácený* ‘возвращенный’, *vracet* ‘возвращать’; *osvobodit* ‘освободить’ – *osvobozovat* ‘освобождать’;

st ~ *št*, *zd* ~ *žd*, *sl* ~ *šl*: *propustit* ‘уволить’ – *propuštěný* ‘уволенный’; *jezdít* ‘ездить’ – *odjíždět* ‘уезжать’; *poslat* ‘послать’ – *pošlu*, *pošleš...* ‘пошлю, пошлешь...’;

t ~ *t*, *d* ~ *d*, *n* ~ *n*: *čest* ‘честь’ – род. п., дат. п., местн. п. ед. ч. *cti*; *hrad* ‘замок’ – местн. п. ед. ч. (*na*) *hradě*; *jelen* ‘олень’ – им. п. мн. ч. *jeleni*; *vstanu*, *vstaneš...* ‘встану, встанешь...’ – *vstaň* ‘встань’;

r ~ ř: jaro ‘весна’ – местн. п. ед. ч. (*na*) *jaře*; *bratr* ‘брат’ – звательная форма *bratře*, им. п. мн. ч. *bratři*, *sbratření* ‘братание’;

p ~ pj, b ~ bj, v ~ vj, f ~ fj, m ~ mn (*mj*): *koupit* ‘купить’ – *koupě* ‘купля’; *holub* ‘голубь’ – *holoubě* ‘птенец голубя’; *tráva* ‘трава’ – дат.-местн. п. ед. ч. *trávě*; *karafa* ‘графин’ – дат.-местн. п. ед. ч. *karafě*; *Betlém* ‘Вифлеем’ – местн. п. ед. ч. (*v*) *Betlémě*.

2.3.0. Семантико-грамматические сведения.

По своему морфологическому типу Ч.я. является флективно-синтетическим языком с элементами аналитизма в спряжении глагола (формы прошедшего и будущего времени, а также страдательного залога).

2.3.1. По грамматическим и семантическим признакам в Ч.я. выделяются следующие части речи: глагол, имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, наречие, предлог, союз, частица, междометие.

2.3.2. К классифицирующим категориям существительного в Ч.я. относятся род (различаются мужской, средний и женский род) и, в пределах мужского рода, одушевленность/неодушевленность. У прилагательных и других согласующихся с существительными слов, как и у местоимения *on* ‘он’, *ona* ‘она’, *ono* ‘оно’, эти категории являются словоизменяемыми.

Род существительных выражается как морфологически, наборами окончаний с типичными для разных родовых парадигм показателями в ед. и мн. числе (см. 2.4.0.), так и синтаксически, формами согласуемых слов: м. р. *starý dům* ‘старый дом’, ж. р. *stará ulice* ‘старая улица’, ср. р. *staré město* ‘старый город’ (им. п. мн. ч. *staré domy, ulice*, но *stará města*). Лишь у некоторых имен наблюдаются расхождения между морфологической и определяющей в таких случаях синтаксической характеристикой (ср. *český kníže*, род. п. ед. ч. *českého knížete* и т. д. ‘чешский князь’ при склонении, свойственном существительным среднего рода), а также морфологические и синтаксические аномалии во множественном числе (ср. им. п. мн. ч. *česká knížata* с согласованием по среднему роду, *Tantalova muka* ‘Танталовы муки’ с дальнейшим склонением по женскому роду и др.).

Од у ш е в л е н н о с т ь существительных мужского рода выражается также двояко. Морфологические признаки этой категории следующие: 1) совпадение формы винительного падежа ед. числа с формой родительного, а не именительного падежа, кроме существительных типа *starosta* ‘староста, мэр’, *soudce* ‘судья’; 2) окончание *-ovi* в дательном и местном падежах ед. числа с вариантами *-u, -i*: (*k, o*) *mistru Janu Husovi* ‘(к) магистру Яну Гусу’, ‘(о) магистре Яне Гусе’, (*ke, o*) *králi, -ovi* ‘(к) королю’, ‘(о) короле’, или без вариантов (*k, o*) *starostovi*, кроме существительных адъективного склонения; 3) окончания *-i* (с чередованиями *t ~ t', d ~ d', n ~ n', r ~ ř, k ~ c, h ~ z, ch ~ š* перед ним), *-ové, -é* в именительном падеже мн. числа: *Češi* ‘чехи’, *předkové* ‘предки’, *měšťané* ‘горожане’, *učitelé* ‘учителя’ и т. д., кроме существительных адъективного склонения (но *kočí, kočího...* ‘кучер’ – им. п. мн. ч. *kočí/kočové*, регулярно *abbé, abbého...* ‘аббат’ – им. п. мн. ч. *abbéové*) и ряда других (*kněz* ‘священник’ – им. п. мн. ч. *kněží*). Признак 1) проявляется и синтаксически, у слов, согласующихся с одушевленными существительными, напр., *potkal dobrého přítele* ‘он встретил хорошего знакомого’ (но *našli dobrého průvodce* может означать ‘они нашли хорошего гида’ и ‘они нашли хороший путеводитель’, см. ниже). Также в именительном падеже мн. числа эти существительные требуют особых форм согласуемых слов с окончаниями *-í* (у полных форм морфологических прилагательных твердого типа склонения и у некоторых местоимений), *-i* (в остальных случаях) при аналогичных чередованиях согласных в исходе основы, даже если они сами не имеют специфического показателя оду-

шевленности: *moji/mí vrání koně* ‘мои вороньи кони’ и т. п. Отдельные признаки грамматической одушевленности могут обнаруживать и существительные, обозначающие неживые объекты, что мотивируется либо формально (*významní činitelé* ‘важные деятели’ и ‘важные факторы’, при втором значении в им. п. мн. ч. возможна также неодушевленная форма *významné činitele*), либо семантически (обиходное *chytat taxíka* ‘ловить такси’, *koupit si mobila* ‘купить мобильник’ и др.).

Глагольное причастие прош. времени на *-l*, выступающее в предикате предложения, в котором подлежащее не охарактеризовано по роду или – в односоставном предложении – отсутствует, принимает форму среднего рода. Например: *Do cíle zbývalo nějakých pět metrů / něco málo přes kilometr / jen pár kilometrů / jen objet zátoku / coby kamenem dohodil* ‘До цели оставалось каких-то пять метров / чуть больше километра / оставалась всего пара километров / оставалось только объехать залив / оставалось рукой подать (букв. как если бы камнем добросил)’; *V noci napadalo sněhu / hodně sněhu / spousta (и spoustu) sněhu* ‘Ночью выпал снег (букв. выпало снега) / выпало много снега / выпала куча снега’ (но и *Napadala spousta sněhu*); *Udělalo se docela zima* ‘Сделалось довольно холодно’ (иногда также *Udělala se docela zima*, но только *Udělala se krásná zima* ‘Наступила чудесная зима’). В форме среднего рода при таком предикате употребляется и согласуемый обычно с подлежащим «детерминант сказуемого» *rád* ‘охотно’: *hodně lidí by to rádo vědělo* ‘немало людей охотно узнало бы это’; ср. также формулу ответа на благодарность *Rádo se stalo*, букв. ‘Охотно случилось’.

Родовая и, во мн. числе, одушевленная/неодушевленная форма причастий прош. времени на *-l* и других согласуемых слов в предикате может непосредственно соотноситься с действительностью, обозначая реальный физический пол лица либо лиц: *Byl (-a, -i, -y) jste spokojen (-a, -i, -y)?* ‘Вы остались довольны?’ (при обращении на «Вы» к мужчине, женщине или к группе лиц, включающей/не включающей хотя бы одного мужчину). При этом причастия прош. времени на *-l* во мн. числе сигнализируют одушевленность/неодушевленность лишь графически (написанием *-i/-y*).

Из других согласуемых с существительными слов только категорию рода, но не одушевленности выражают деепричастия, являющиеся достоянием сугубо книжного Ч.я. (м. р. ед. ч. *přijda*, ж. р. и ср. р. ед. ч. *přijdouc*, мн. ч. *přijdouce* ‘придя’), и числительные ‘два’, ‘оба’ (м. р. *dva, oba*, ж. р. и ср. р. *dvě, obě*). Числительные ‘три’ и выше ни рода, ни одушевленности не различают.

Лексические значения местоимений *kdo* ‘кто’, *co* ‘что’ и их производных с грамматической категорией одушевленности не связаны. В некоторых случаях местоимение *co* может употребляться даже по отношению к живому существу, ср.: *Co se jim má narodit: chlapeček nebo holčička?* ‘Кто у них должен родиться: мальчик или девочка?’.

2.3.3. Категория ч и с л а у существительных, прилагательных и других согласуемых с существительными слов, у местоимения *on* и у личных форм глагола является словоизменительной и выражается парадигматически, противопоставлением наборов падежных или личных окончаний ед. и мн. числа (см. 2.4.0.).

Из существительных в числовых противопоставлениях не участвуют имена *singularia tantum* (*mládež* ‘молодежь’, *žízeň* ‘жажда’, *nafta* ‘нефть’ и т. п.) и *pluralia tantum* (*Čechy* ‘Чехия’, *kvasnice* ‘дрожжи’, *šaty* ‘платье’, *volby* ‘выборы’ и т. п.). У счетных *pluralia tantum* количественные отношения сигнализируются числительными и местоимением *všechn* ‘весь’: *jednu novinu* ‘одна газета’ – *dvoje, patery, všechny noviny* ‘две газеты, пять газет, все газеты’. У несклоняемых заимствованных существительных числовые оппози-

ции, а также род и одушевленность выражаются исключительно синтаксически: *vojenský atašé* ‘военный атташе’ – им. п. мн. ч. *vojenští atašé*.

Числовая форма слов других частей речи, имеющих данную категорию, может мотивироваться существительным (или его значимым отсутствием) либо непосредственно соотноситься с действительностью, выражая реальные количественные отношения и в ряде случаев иные смыслы, особенно определенность/неопределенность: *každý víme, že...* ‘всякий знает (все мы знаем), что...’ и т. п.

У личных местоимений 1-го и 2-го лица *já* ‘я’ – *my* ‘мы’, *ty* ‘ты’ – *vy* ‘вы’ категория числа является классифицирующей.

2.3.4. У имен и местоимений выделяется шесть падежей: именительный (nominativ), родительный (genitiv), дательный (dativ), винительный (akuzativ), творительный (instrumentál) и местный (lokál); кроме того, существительные мужского и женского рода в ед. числе имеют особую звательную форму, которую иногда также считают падежной (vokativ).

Функциями именительного падежа являются: 1) субъектная; с субъектом в именительном падеже может быть согласовано сказуемое: *Kniha je dárek nejmilejší* ‘Книга – лучший подарок’; 2) главного члена односоставного именного предложения: *Polibek, kapesník, siréna, lodní zvonec...* ‘Поцелуй, платок, гудок, судовой колокол...’ и 3) чисто назывная: *Zahradní slavnost* ‘«Праздник в саду»’ (пьеса В. Гавела); транспозиция последней представлена и в атрибутивных сочетаниях типа *týdeník Respekt* ‘еженедельник «Респект»’. Именительный падеж субъекта противопоставляется прежде всего винительному как падежу прямого объекта: *Spisovatel chystá novou knihu* ‘Писатель готовит новую книгу’. Объектную функцию могут иметь также остальные падежи. Родительный обычно реализует ее при глаголах с возвратным компонентом *se* (*ptát se babičku* ‘спрашивать бабушку’) или с определенными приставками: *do-*, *u-*, *na-* и др. В последнем случае с собственно объектным бывают сопряжены иные значения, свойственные родительному падежу, в особенности пространственное (адлативное: *dosáhnout úspěchu* ‘достичь успеха’) и квантитативное (*upít vody* ‘отпить воды’, ср. *trochu vody* ‘немного воды’; *nadělat hluku* ‘наделывать шума’, ср. вторичное субъектное употребление *Tam bylo hluku!* ‘Там было так шумно!’). Объектным дательным падежом часто выражается адресат (в том числе при таких глаголах, как *děkovat komu* ‘благодарить кого-л.’, *nadávat komu* ‘ругать кого-л.’ и т. п.). За этой и другими семантическими функциями приглагольного дательного также могут просматриваться пространственные значения приближения или, наоборот, удаления: *Dětem dali / vzali hračky* ‘Детям дали / У детей отобрали игрушки’ и др. В результате возобладания непосредственно объектной семантики ряд глаголов в современном Ч.я. переходит от управления родительным или дательным к управлению винительным падежом: *použít výtahu* → *výtah* ‘воспользоваться лифтом’, *učit se jazykům* → *jazyky* ‘изучать языки’. В разнообразных объектных конструкциях выступают винительный и все косвенные падежи с предлогами, а также беспредложный творительный. При этом в одних случаях употребление таких падежей диктуется лишь традиционным глагольным управлением, а в других они выявляют более конкретную семантику в тесной связи с семантикой предлога. Для большей части падежей это преимущественно пространственные или выводимые из них значения, а для творительного еще орудийное и социативное: *obrátit se k oknu* (дат. п.) *zády* (твор. п.) ‘повернуться к окну спиной’, *obrátit se po hlase* (местн. п.) ‘обернуться на голос’, *obrátit se na vedení* (вин. п.) *se stížností* (твор. п.) ‘обратиться к начальст-

ву с жалобой»; *udeřit do stolu* (род. п.) 'ударить по столу', *udeřit na gong* (вин. п.) 'ударить в гонг', *udeřit proti nepříteli* (дат. п.) 'ударить на врага / по врагу' и т. д.

Винительный и косвенные падежи в конструкциях с предлогами или без предлога выражают также обстоятельства места, времени, образа действия и др. Примеры: *Pták vyletěl na střechu / nad střechu* (вин. п.) 'Птица взлетела на крышу / выше крыши', ср. *Pták je na střeše* (местн. п.) / *nad střechou* (твор. п.) 'Птица на крыше / над крышей'; *Jak se dostaneme do divadla* (род. п.) / *k divadlu* (дат. п.)? 'Как нам попасть в театр / пройти к театру?'; *Přijďte v pátek / příští pátek* (вин. п.) 'Приходите в пятницу / в следующую пятницу'; *To všechno se stalo v roce* (местн. п.) *1989 / toho roku* (род. п.), *kdy...* / *rok* (вин. п.) *poté, co...* 'Все это случилось в 1989 году / в тот год, когда... / через год после того, как...'; *Jel autem* (твор. п.) *rychlostí* (твор. п.) *60 km/h* 'Он ехал на машине со скоростью 60 км/ч'; *Divže nepadám únavou* (твор. п.) 'Я чуть не падаю от усталости'. Творительным падежом и сочетанием винительного падежа с предлогом *za* выражается и так наз. «детерминант сказуемого» (*doplňěk*): *Zvolili ho předsedou/za předsedu* 'Его выбрали председателем'.

В атрибутивной функции выступают родительный, а также другие косвенные падежи, и винительный, нередко с предлогами (об особом присубстантивном употреблении «назывного» именительного см. выше). При этом в ряде случаев речь идет о выражении некоторых частных значений падежей и предложно-падежных конструкций, реализующихся и неатрибутивно (родительный квантитативный: *doušek čerstvého vzduchu* 'глоток свежего воздуха'; дательный адресата: *dopis příteli* 'письмо другу'; винительный предназначения с предлогом *na*: *koš na papíry* 'корзина для бумаг'; местный «предмета» с предлогом *o*: *kniha o Tibetu* 'книга о Тибете' и др.), а в иных случаях представлена транспозиция обстоятельственной или объектной функции (*dům na náměstí* 'дом на площади' ← *stojící na náměstí* 'стоящий на площади'; *obchod s dámskou konfekcí* 'магазин женской одежды' ← *obchodovat s* + твор. п. 'торговать чем-л.'). Также и в атрибутивном употреблении родительного падежа при отглагольных существительных возможно усматривать результат транспозиции (с трансформацией) либо винительного падежа прямого объекта, либо именительного субъекта (ср. *oprava domu* 'ремонт дома' ← *opravit dům* 'отремонтировать дом'; *narození dítěte* 'рождение ребенка' ← *narodilo se dítě* 'родился ребенок').

Атрибутивный родительный падеж, помимо этого, служит одним из основных средств выражения функционально-семантической категории посессивности (принадлежности). К посессивности в широком смысле причисляют всякое значение принадлежности, включая принадлежность неживым предметам (*ručičky hodin* 'стрелки часов'); в узком же смысле сюда относят лишь принадлежность одному или многим одушевленным существам, чаще всего лицам (*obojek štěněte* 'ошейник щенка', *domov důchodců* 'дом престарелых' и т. п.). Ряд специфических модификаций подобных же атрибутивных отношений выражается не родительным падежом, а различными предложно-падежными конструкциями: *u, do, od* + род. п., *po* + местн. п. и др.: *tkaničky u/do bot* 'шнурки ботинок', *obraz od známého malíře* 'картина известного художника', *vdova po učiteli* 'вдова учителя'. В предложении отношение принадлежности может также имплицировать синтаксически приглагольный дательный падеж: *Džbánu chybí ucho* 'У кувшина нет ручки', *Rozbušilo se jí srdce* 'У нее заколотилось сердце'; ср. подобную же функцию генетически дативного возвратного компонента *si* в контекстах типа *Zlomil si nohu* 'Он сломал ногу (себе, свою)'.

С родительным падежом при выражении принадлежности, как и иных атрибутивных отношений, конкурируют относительные и притяжательные прилагательные. При этом относительные типа *dětský* 'детский', *městský* 'городской', *hvězdný* 'звездный', *noční* 'ноч-

ной', *kávoový* 'кофейный' и так наз. коллективно-притяжательные прилагательные типа *dívčí* 'девичий', *rybí* 'рыбий, рыбный' представляют собой чисто словообразовательную категорию; их семантика «внепадежна», т. е. вбирает в себя обширный набор значений разных приименных падежей, включая предложно-падежные сочетания, и безразлична к числовым оппозициям производящего существительного: *dětský domov* (= *děti*, *pro děti*) 'детский дом (= детей, для детей)' и *dětské oči* (= *děti/dítěte*) 'детские (ребячьи) глаза (= детей/ребенка)'; *hvězdná záře* (= *hvězd/hvězdy*) 'звездное сияние (= звезд/звезды)' и *hvězdná obloha* (= *s hvězdami*) 'звездное небо (= со звездами)'; *rybí kost* (= *rybu*) 'рыбья кость (= рыбы)' и *rybí polévka* (= *z ryb*) 'рыбный суп (= из рыб, -ы)'. Напротив, собственно притяжательные прилагательные, по существу регулярно (за немногими исключениями) образуемые от существительных со значением лица и, реже, от названий животных мужского (с суффиксом *-ův-* в именительном падеже ед. числа и *-ov-* в остальных формах) и женского рода (с суффиксом *-in-*), не без основания интерпретируются некоторыми исследователями как «ассоциированные» с парадигмой производящего существительного варианты приименного родительного падежа. При парадигматическом образовании такие притяжательные прилагательные, выражая значение принадлежности и другие атрибутивные отношения к единичным индивидам, семантически полностью эквивалентны родительному падежу ед. числа производящего существительного. Функционально притяжательные прилагательные и родительный падеж ед. числа в литературном Ч.я. дополнительно распределены: притяжательные прилагательные – при возможности их образования – употребляются в случаях, когда соответствующее существительное, обозначающее определенное лицо или персонифицированное животное, не имеет зависимых членов, ср. *prezidentův projev* 'речь президента', но *projev pana prezidenta/prezidenta České republiky* 'речь господина президента/президента Чешской Республики'. При этом современный чешский узус, особенно разговорный, демонстрирует экспансию родительного падежа, сохраняя за притяжательными прилагательными лишь статус маркированного средства выражения атрибутивного отношения к единичному индивиду и, вместе с тем, его определенности, ср. разг. *Já se směju spíš humoru Chaplina (chaplinovskému)* 'Меня смешит скорее юмор Чаплина (чаплиновский)' при лит. *Směji se spíše Chaplinovu humoru*.

В обиходном Ч.я. существуют также несогласуемые «семейно-притяжательные» формы на *-ovic* типа *Novákovíc*, *sousedovic*, выражающие принадлежность и вообще атрибутивные отношения к семье (*v Novákovíc bytě* 'в квартире Новаков', *se sousedovic klukem* 'с соседским мальчишкой'), которые могут употребляться и в качестве субстантивных наименований семьи (*přišli Novákovíc* 'пришли Новаки').

В рамках категории местоимений эквивалентами притяжательных прилагательных – и атрибутивного родительного падежа – выступают согласуемые посессивные формы (притяжательные местоимения) *můj* 'мой', *tvůj* 'твой', *svůj* 'свой', *náš* 'наш', *váš* 'ваш', *její* 'ее' и несогласуемые *jeho* 'его', *jejich* 'их', в системе относительных местоимений аналогично *jehož*, *jejíž*, *jejichž*, и вопросительное местоимение *čí* 'чей' (разг. также *koho*).

Лексически принадлежность выражается глаголами *mít* 'иметь', который, впрочем, выполняет и иные функции (ср. *Soused má nové auto* 'У соседа новая машина', *Soused má radost* 'У соседа радость', но также *Soused má auto rozbité* 'У соседа сломалась машина', *Soused má po radosti* 'Сосед уже не рад' и т. п.), более специфицированным с аналогичной валентностью *vlastnit* 'обладать/быть владельцем чего-л.' и с другой конструкцией, *patřit* и (*při*)*náležet* 'принадлежать' (*Sousedovi patří/náleží polovina domku* 'Соседу принадлежит половина дома').

2.3.5. Для глагола характерны следующие категории: вид, способ глагольного действия, переходность/непереходность, залог и – в системе *Verbum finitum* – наклонение, время, лицо и число (для причастий и деепричастий также время и число, последнее в качестве именной категории).

Лексико-грамматическая категория вида охватывает подавляющее большинство глаголов, относящихся к одному из двух семантически и грамматически противопоставленных классов: к совершенному виду (*dokonavý vid*) со значением ограниченности действия пределом, или его целостности, комплексности, либо к несовершенному виду (*nedokonavý vid*), семантика которого в отношении указанного признака нейтральна. В связи с этим невозможно обозначение глаголами совершенного вида длящегося действия в так наз. актуальном настоящем, ср. *Co to děláš?* (несов. вид) ‘Что это ты делаешь?’, но не **Co to uděláš?* (сов. вид) ‘*Что это ты сделаешь?’, и вообще действия, развертываемого во времени, в том числе пофазисно: отсюда их несочетаемость с фазисными глаголами, ср. *začít/přestat dělat* ‘начать/перестать делать’, но не **začít/přestat udělat* ‘*начать/перестать сделать’. В остальном семантика совершенного вида реализуется во всех временных планах, в частности, в (неактуальном) настоящем, и при регулярном для Ч.я. употреблении его как средства выражения повторяющихся действий, имеющих всякий раз свой предел, совместима со значением длительности, ср. сочетаемость таких глаголов с лексическими показателями кратности и длительности: *Často se stane, že dlouho nic nenapiše* ‘Часто случается, что он долго ничего не пишет’ (букв. ‘случится’, ‘не напишет’). Морфологически межвидовые различия проявляются в отсутствии у глаголов совершенного вида аналитических форм будущего времени со вспомогательным глаголом *budu, budeš, bude...* (а также действительных причастий настоящего времени на *-oucí/-ící*).

Глаголы совершенного и несовершенного вида обычно вступают в видовые пары, будучи связаны словообразовательными отношениями деривации или кодеривации.

При образовании глаголов несовершенного вида (имперфективации) используется исключительно суффиксальный способ в сочетании с чередованиями корневых гласных и согласных. Имперфективирующими суффиксами, которые ниже приводятся так, как они представлены в инфинитивной основе, являются непродуктивные в современном языке *-a-, -e-* (*skákat* ‘прыгать’ ← *skočit* ‘прыгнуть’, *lekat se* ‘пугаться’ ← *leknout se* ‘испугаться’, *říkat* ‘говорить’ ← *řici* ‘сказать’; *házet* ‘бросать’ ← *hodit* ‘бросить’, *vracet* ‘возвращать’ ← *vrátit* ‘вернуть’, *míjet* ‘проходить (мимо)’ ← *minout* ‘пройти’) и продуктивные *-ova-, -va-* (*kupovat* ‘покупать’ ← *koupit* ‘купить’, *nahrazovat* ‘заменять’ ← *nahradit* ‘заменить’, *poskytovat* ‘предоставлять’ ← *poskytnout* ‘предоставить’; *nalévat* ‘наливать’ ← *nalít* ‘налить’, *potkávat* ‘встречать’ ← *potkat* ‘встретить’, *rozpracovávat* ‘разрабатывать’ ← *rozpracovat* ‘разработать’), причем иногда дериваты с непродуктивным и продуктивным суффиксом сосуществуют в качестве вариантов (ср. *popouzet/popuzovat* ‘возмущать’ ← *popudit* ‘возмутить’).

Основной способ образования глаголов совершенного вида (перфективации) – префиксальный. Чисто перфективирующую функцию могут иметь префиксы *u-, na-, po-, s-, z-, za-* и др.: *udělat* ‘сделать’, *napsat* ‘написать’, *poprosit* ‘попросить’, *smíchat* ‘смешать’, *změřit* ‘измерить’, *zaspívat* ‘спеть’). Однако те же самые префиксы в сочетании с иными глагольными основами, как и все остальные (*při-, pře-, pro-, o-* и т. д.), меняют не только вид, но и лексическое значение глагола.

Во многих случаях при этом префиксальный глагол отличается от непрефиксального способом глагольного действия, т. е. вхождением в одну из лексико-семантических групп глаголов, тем или иным образом представляющих протекание действия во времени, в пространстве, а также с точки зрения квантитативных характеристик самого действия либо актантов глагола. Например, с префиксами *do-* и *od-* образуются глаголы так наз. завершительного и финитивного способов действия (*dopsat* ‘дописать’, *odkvést* ‘отцвести’), префиксы *po-* и *za-* (последний в соединении с возвратным компонентом *si*), выражают ограничительный способ действия (*posedět* ‘посидеть’, *zaplavat si* ‘поплавать’), а префикс *roz-* (обычно с возвратным компонентом *se*) – начинательный (*rozdělat práci* ‘начать делать работу’, *rozstonat se* ‘заболеть, разболеться’); в то же время префиксы *do-*, *od-* и др. обслуживают различные пространственные способы действия, выступая носителями значений адлативности (*dovézt* ‘доставить, привезти, ввезти’), аблативности (*odvézt* ‘отвезти, увезти’) и т. д. Те же префиксы *do-* и *od-*, наряду соответственно с *při-* и *u-*, передают партитивный способ действия (*dolít, přilít* ‘долить’, *odlít, ulít* ‘отлить’), а префиксы *po-*, *z-* и их комбинации – дистрибутивный (*postřílet* ‘перестрелять’, *pozotvírat* ‘пооткрывать’). Для выражения кратных способов используется суффиксация: так, посредством суффикса *-nou-* образуются так наз. однократные глаголы (*mávnout* ‘махнуть’), а суффиксами *-a-*, *-va-*, их комбинацией и удвоением либо даже утроением *-va-* – парадигматически продуктивные, однако имеющие в современном Ч.я. относительно низкую частотность многократные глаголы (*vidět* ‘видеть’ → *vidat, vidávat* ‘часто видеть (= видывать)’, *chodit* ‘ходить’ → *chodívat, chodívavat* ‘часто ходить (= хаживать)’).

Принадлежность к определенным способам глагольного действия и другие факторы, как семантические, так и формальные, обуславливают существование групп одновидовых глаголов, не имеющих чисто видовой пары с одинаковым лексическим значением (*perfectiva* и *imperfectiva tantum*), и двувидовых глаголов. К группе *perfectiva tantum* относятся, в частности, глаголы многих квантифицирующих способов действия, например, дистрибутивного, кумулятивного (*nasekat* ‘нарубить’), сатуративного (*najíst se* ‘наестся’), префиксальные глаголы со значением способности (*vydržet* ‘выдержать’, *vyznat se* ‘разбираться в чем-л.’, *dověst, dokázat* ‘уметь, мочь’) и т. д. В группу *imperfectiva tantum* входят многократные глаголы, ряд глаголов со значением физического и психического состояния (*být* ‘быть’ при лексически несоотносительном *pobýt* ‘пробыть (какое-то время)’, *žít* ‘жить’, *chybět, scházet* ‘отсутствовать, недоставать’, *doufat* ‘надеяться’, *tušit* ‘предчувствовать’, *snít* ‘мечтать’), модальные и семантически близкие им глаголы (*moci* ‘мочь’, *smět* ‘сметь, быть вправе’, *muset* и *mít* ‘быть должным’, *potřebovat* ‘нуждаться в чем-л.’, *umět* ‘уметь’), а также глаголы разнонаправленного движения (типа *chodit* ‘ходить’, *nosit* ‘носить’) и др. Двувидовыми являются такие глаголы, как *stanovit* ‘устанавливать/установить’, *věnovat* ‘посвящать/посвятить’ и некоторые иные, часто образованные от интернациональных основ суффиксом *-ova-* типа *informovat* ‘(про)информировать’ (ср. *Rozhodl se, že tomu věnuje / bude věnovat všechny síly* ‘Он решил, что приложит / будет прилагать к этому все усилия’, *Zítřa vás o tom informuji / budu informovat* ‘Завтра я вас об этом (про)информирую’).

Особое место занимают глаголы однонаправленного движения *jít* ‘идти’, *jet* ‘ехать’, *letět* ‘лететь’ и др. По семантическим и формальным признакам их можно считать находящимися вне категории вида: значения ограниченности/неограниченности действия пределом (целостности/нецелостности) в данной группе выражаются лишь в плане будущего формами самих этих глаголов, а в прочих временных и модальных планах они либо во-

обще аспектуально индифферентны, либо, в повелительном наклонении, дифференциация их форм сопряжена с определенной ориентацией движения в отношении говорящего (*Zítرا jdu / půjdu k lékaři* ‘Завтра я иду / пойду к врачу’, но только *Když jsem šel k lékaři...* ‘Когда я шел / пошел к врачу...’; *Koncem týdne jedeme / pojedeme na venkov* ‘В конце недели мы едем / поедem в деревню’, но *Vy nechcete / Nechtěli byste jet na venkov?* ‘Как, вы не хотите ехать / Вы не хотели бы поехать в деревню?’; повел. накл. *Jdi se projít* ‘Иди / походи погуляй’, но *Pojď se projít* ‘Пойдем погуляем’, *Pojď sem!* ‘Пойди / иди сюда!’). Глаголы типа *nést* ‘нести’, разделяя формальные признаки этой группы, однако, тяготеют к разряду *imperfectiva tantum* (*Ten kufr ponesu / budu nést já* ‘Этот чемодан понесу / буду нести я’).

Квалифицирующая категория *переходности / непереходности* связана с грамматической категорией залога: переходные глаголы, в действительном залоге способные иметь при себе прямой объект в винительном падеже, образуют формы страдательного залога (пассив с глаголом *být* и рефлексив с возвратным компонентом *se*) с регулярной трансформацией объекта в субъект: *tisknout / vytisknout knihu* ‘печатать / напечатать книгу’ → *knihu je tištěna (se tiskne) / je vytištěna (se vytiskne)* ‘книга печатается / напечатана (будет напечатана)’. Лишь у некоторых переходных глаголов формы пассива в силу ряда семантических и формальных причин не образуются: таковы, в частности, глаголы *mít* ‘иметь’, *dostat* ‘получить’, *umět* ‘уметь’, *vědět* и *znát* ‘знать’ и др. В свою очередь отдельные непереходные глаголы также употребляются в пассиве с преобразованием в субъект непрямого объекта: *dotázat se* + род. п. ‘спросить, запросить’ → *byl dotázán* ‘он был спрошен’, *polichotit* + дат. п. ‘польстить’ → *je polichocen* ‘он польщен’, *pohrdat* + твор. п. ‘пренебрегать’ → *je pohrdán* ‘им пренебрегают’. Пассив и рефлексив иных непереходных глаголов, как и рефлексив безобъектных глаголов, реализующиеся исключительно в форме 3-го лица ед. числа (среднего рода), функционируют бессубъектно, в остальном же сохраняют глагольное окружение неизменным, ср. *dosáhnout úspěchů* (род. п.) ‘достичь успехов’ → *bylo dosaženo úspěchů* ‘были достигнуты успехи’, *pokračovat v práci* (местн. п.) ‘продолжать работу’ → *v práci bude pokračováno / v práci se bude pokračovat* ‘работа будет продолжаться’, *letět do Prahy dvě hodiny* ‘лететь в Прагу два часа’ → *do Prahy se letí dvě hodiny* ‘в Прагу лететь два часа’ (разг. ‘до Праги два часа лёта’).

Грамматическая категория з а л о г а, таким образом, имеет сложную иерархию. Формам действительного залога (*činný rod, aktivum*) в рамках страдательного залога (*trpný rod, pasivum*) противопоставляются формы аналитического пассива (*opisné pasivum*) у объектных глаголов, в первую очередь переходных, и рефлексива, или возвратного пассива (*zvratné pasivum*), в принципе у всех глаголов, помимо исходно возвратных с компонентами *se* и большей частью *si*, а также экзистенциальных и посессивных *být* ‘быть’, *chybět* ‘недоставать’, *patřit* ‘принадлежать’, *mít* ‘иметь’ (при модальном употреблении последних в возвратных конструкциях типа *jak se patří* ‘как следует/положено’, *to se nemá* ‘так нельзя’). Оба типа форм страдательного залога выражают одну и ту же диатезу S = P/Ø (синтаксический субъект равен пациенсу или отсутствует), но сфера их функционирования несколько отлична. С одной стороны, формы аналитического пассива стилистически маркированы как книжные; с другой – рефлексив практически не выступает в повелительном наклонении (редкое исключение составляет фразеологизм *posvěť se jméno Tvé* ‘да святится имя Твое’), а субъектные формы рефлексива ограничено – в тесной связи с семантикой глагола – употребляются в предложениях с определенными классами

субъекта, особенно со значением одушевленного существа. Эти ограничения обуславливаются потенциальной омонимией рефлексива и разных словообразовательных модификаций, как правило, переходных глаголов: собственно возвратных или взаимно-возвратных типа *zavírat se* ‘закрываться’, *vrátit se* ‘вернуться’, *učesat se* ‘причесаться’, *seznámit se* ‘познакомиться’ и т. п. Некоторые такие дериваты семантически близки формам рефлексива, так что разграничить те и другие иногда позволяет только контекст, в частности, характер смыслового отношения субъекта к действию, а из формальных признаков – взаимозаменяемость рефлексива с пассивом и почти полная его неспособность к образованию действительных причастий. Примеры: *Budova se zavírá denně ve 22 hodin* ‘Здание закрывается ежедневно в 22 часа (кем-л.)’ (= *je zavírána*), но *Pozor, dveře se zavírají* ‘Осторожно, двери закрываются (сами)’ (ср. *automaticky se zavírající dveře* ‘автоматически закрывающиеся двери’); *Poukázané peníze se odesílateli vrátily* ‘Переведенные деньги вернулись к отправителю’ (= *byly vráceny* ‘были возвращены’), но *Stěhovaví ptáci se na jaře vrátili* ‘Перелетные птицы весной вернулись’.

Указанные и другие возвратные образования модификационного и мутационного типов, а также непарные возвратные глаголы (так наз. *reflexiva tantum*) не только с компонентом *se*, но и с компонентом *si*, обозначающими в действительном залоге направленность действия на субъект, который либо полностью охватывается действием (у глаголов с *se*, ср. *zajímat se* ‘интересоваться’, *setkat se* ‘встретиться’), либо затрагивается им как адресат (у глаголов с *si*, ср. *(vy)půjčit si* ‘взять займы’, *hovět si* ‘нежиться’, *povídat si* ‘разговаривать (друг с другом)’), формируют лексическую категорию возвратности. При этом возвратные компоненты таких глаголов, сохраняя морфологическую связь с парадигмой возвратного местоимения *sebe*, в разной степени близки членам предложения или – в особенности *si* – синтаксически «свободным» элементам его семантической структуры. Такой характер они, по-видимому, не утрачивают до конца даже в группе глаголов *reflexiva tantum*, ср. отсутствие этих компонентов в редких случаях образования от подобных глаголов форм пассива типа *připravít se* ‘приготовиться’ → *být připraven* ‘быть готовым’. Это позволяет говорить о семантической категории возвратности, различные значения которой реализуются как в рамках глагола или его ближайшего окружения (ср. *pamatovat + Ø/se/si* ‘помнить/вспоминать/припоминать’), так и в предложении (ср. прежде всего «свободное» употребление *si* в контекстах типа *Jdu si pro balík* ‘Я за посылкой’). В предложении значение возвратности выражают также остальные формы возвратного местоимения *sebe*, иногда тесно связанные с глаголом (*házet se/sebou* ‘метаться, биться’), наречие *spolu* (*My spolu nemluvíme* ‘Мы друг с другом не разговариваем’) и иные средства.

Книжные формы аналитического пассива составляют краткие страдательные причастия, согласуемые с субъектом, а при его отсутствии выступающие в среднем роде ед. числа, и вспомогательный глагол *být* в соответствующем лице, числе, времени и наклонении, который изредка может быть опущен (так, во вводных оборотах типа *obrazně řečeno* ‘образно говоря’ имеет место эллипсис формы повел. накл. *budiž*). В разговорном Ч.я. эти формы практически не употребляются; с другой стороны, здесь распространена проникающая и в литературный Ч.я. так наз. «категория результативного состояния»: конструкции полных форм страдательных причастий, согласуемых с прямым объектом, а если его нет, кратких форм среднего рода ед. числа на *-no/-to* со вспомогательным глаголом *mít* ‘иметь’ или *dostat* ‘получить’, типа *máme věci sbalené / máme sbaleno* ‘у нас вещи собраны / мы собраны’, *nedostal zapláceno* ‘ему не заплатили’, выражающие в принципе

залоговую диатезу S = A/Adr (субъект равен агенту либо адресату), во втором случае – только S = Adr. В конструкциях без прямого объекта причастными формами на *-no/-to* бывают представлены и глаголы, которые в остальных страдательных причастиях не имеют, ср. *spadnout* ‘упасть, обрушиться’ → *má na mě spadeno* ‘он на меня зол’, *vynadat* + дат. п. ‘отругать кого-л.’ → *dostal vynadáno* ‘его отругали’.

В сфере причастий залоговые оппозиции выражаются асимметрично. Страдательные причастия с суффиксами *-en-*, *-n-*, *-t-* образуют глаголы как несовершенного вида (тип *dělaný* ‘делаемый’ с процессуально-пассивной семантикой, или причастия настоящего времени), так и совершенного вида (тип *udělaný* ‘сделанный’ с результативно-пассивной семантикой, или причастия прошедшего времени), в действительном же залоге им соответствуют в сущности исключительно причастия настоящего времени от глаголов несовершенного вида с суффиксами *-ouc-*, *-íc-* типа *dělající* ‘делающий’, так как устаревшие действительные причастия прошедшего времени типа *dělavší* ‘делавший’, *udělavší* ‘сделавший’ в современном Ч.я. почти вышли из употребления. В связи с этим в прошедшем времени страдательные причастия или образования, формально совпадающие с ними, внедряются в парадигму главным образом возвратных глаголов с компонентом *se*, имеющих медиоактивное или медиопассивное значение, сходное с грамматическим страдательным, но на правах действительных причастий; ср. *Stál opřen / opřený o stůl* ‘Он стоял, опершись (букв. ‘оперевшийся’) о стол’ ← *opřít se* ‘опереться’ (при наличии страдательного причастия *opřený* ← *opřít* ‘опереть’) и т. п.

Категорию *наклонения* формирует противопоставление форм трех наклонений: изъявительного (*oznamovací způsob, indikativ*), повелительного (*rozkazovací způsob, imperativ*) и сослагательного, или условного (*podmiňovací způsob, kondicionál*). Непассивные формы изъявительного наклонения частично синтетические (главным образом в презенсе: *(pře)čtu, (pře)čteš, (pře)čte...* ‘(про)читаю, (про)читаешь, (про)читает...’), частично же аналитические (в прошедшем времени и в будущем у глаголов несовершенного вида: *(pře)četl + jsem, jsi* (или разг. *(pře)četls* с неотделяемым показателем *-s*), *-Ø...* ‘я, ты, он (про)читал...’; *буду, budeš, bude...* + *číst* ‘буду, будешь, будет... читать’). Непассивные формы повелительного наклонения – исключительно синтетические: *(pře)čti* ‘(про)читай’, *(pře)čtěte* ‘(про)читайте’, *(pře)čtěme* ‘давай, -те читать; давай, -те прочитаем’. Аналитические конструкции с частицами *ať* и книжной *nech(a)t’* ‘пусть’ при презентных формах глагола, выражающие побуждение 3-го лица, но возможные и в других лицах (ср. *ať (pře)čte* ‘пусть (про)читает’ и *Ať se do večera vrátíš!* ‘Чтобы к вечеру (ты) вернулся!’; *Ať už vás tu nevidím!* ‘Чтобы я вас тут больше не видел!’), морфологическими формами повелительного наклонения не являются, а обслуживают функционально-семантическую категорию побуждения – наряду с иными конструкциями (напр, разг. *pojď to koupit* ‘давай купим’, *koukej zmizet* ‘убирайся’ (букв. ‘гляди исчезнуть’), транспонированными формами изъявительного и сослагательного наклонений, инфинитива и т. д. *Jdeme!* ‘Пойдем, -те / Пошли!’; *Vy byste raději mlčel* ‘Вам бы лучше помолчать’, *Sednout!* ‘Сесть!’). Формы сослагательного наклонения образуются аналитически из особых форм вспомогательного глагола *být* (*bych, bys, by...*) и причастия на *-l-* (*(pře)četl bych* ‘я бы (про)читал’). Значение потенциального действия, морфологически выражаемое сослагательным наклонением, может сигнализировать также инфинитив и, в сложных предложениях с эксплицитно выявленной потенциальностью в придаточной части, форма изъявительного наклонения в главной части (*Mít peníze, tak to koupím* ‘Имей я деньги / Будь у меня деньги, я бы это купил’).

2.3.6. Категория в р е м е н и в области глагола реализуется по-разному в изъявительном и сослагательном наклонениях (формы повелительного наклонения времени не выражают), а также в системах причастий и деепричастий.

В рамках изъявительного наклонения у глаголов совершенного вида противопоставляются синтетические формы настоящего/будущего времени (презенса) и аналитические прошедшего времени, а у глаголов несовершенного вида подобные же формы настоящего и прошедшего и аналитические будущего времени (примеры см. 2.3.5.). Особые синтетические формы будущего времени имеют глагол *být* (*budu, budeš, bude...*), глаголы направленного движения *jít* 'идти' (*půjdu...*), *jet* 'ехать' (*pojedu...*) и подобные, в том числе типа *nést* 'нести' и даже *růst* 'расти', *kvést* 'цвести', ср. *ceny porostou/budou růst* 'цены вырастут/будут расти', *s internetem všš byznys pokvete/bude kvést* 'с Интернетом ваш бизнес расцветет/будет процветать'. На периферии данной системы находятся устаревшие формы преждепрошедшего времени типа *byl jsem (pře)četl* 'я (про)читал (раньше, когда-то)', в современном Ч.я. малоупотребительные; ср., однако: *Mniši sem byli přišli před šesti až osmi sty lety* 'Монахи пришли сюда шестьсот-восемьсот лет назад' (из телерепортажа). Формы прошедшего и не совпадающего с настоящим будущего времени семантически маркированы, в отличие от нейтральных форм презенса, выражающих значение и настоящего времени, и будущего, в том числе у глаголов несовершенного вида, и прошедшего – в так наз. настоящем историческом, ср. разг. *vyletěl jsem na plný plyn na vrchol duny, tam šlápnu na brzdu a nic* 'я на полной скорости взлетел на вершину дюны, там жму (букв. 'нажму') на тормоза – и ничего'.

В сослагательном наклонении различаются нейтральные формы типа *(pře)četl bych* 'я бы (про)читал' и маркированные формы прошедшего времени типа *byl bych (býval) (pře)četl* 'я бы (про)читал (раньше)'. Последние, имеющие значение потенциального действия в прошлом, какое могло бы реализоваться до начала другого прошедшего действия, но не реализовалось, вполне узуальны в современном Ч.я., в том числе разговорном, ср.: *Kdybych to býval věděl, nějak bych to zařídil* 'Знать раньше, я бы это как-нибудь устроил'.

В системе причастий относительное прошедшее/непрошедшее (настоящее) время, т. е. значение предшествования или одновременности по отношению к основному действию в предложении, проявляется в тесной связи с видом глагола практически только в страдательном залоге, откуда причастия прошедшего времени проникают у некоторых глаголов совершенного вида, чаще всего возвратных, в действительный залог, образуя пары типа *opřeny* 'оперевшийся' – *opírající se* 'опирающийся' (см. 2.3.5.). Действительные причастия прошедшего времени с суффиксом *-š-* или *-vš-* (*přišedší* 'пришедший', *(u)dělavší* '(с)делавший'), заимствованные некогда книжным путем из русского языка, в современном Ч.я. не являются системными; соответственно в действительном залоге значение предшествования атрибутивно представленного действия предикативному сигнализируется разнообразными средствами: в пределах совершенного вида, кроме страдательных по образованию причастий, это также полные формы причастия на *-l* безобъектных глаголов (ср. *přišlý* 'пришедший', *napadlý/napadaný sníh* 'выпавший снег' ← *napadnout/napadat* 'выпасть, нападать'), а у глаголов несовершенного вида – причастия на *-ouc-*, *-íc-*, выражающие в остальном одновременность, ср.: *Milosrdná sestra, sedící vedle lůžka, se s námahou zvedla* 'Сестра милосердия, сидевшая (букв. 'сидящая') у постели, с трудом поднялась' (К. Чапек).

В системе деепричастий, искусственно кодифицированной в XIX в. для литературного Ч.я., различаются формы так наз. настоящего времени со значением одновременности у

глаголов несовершенного вида (ед. ч.: м. р. *jda, vidě*, ж. и ср. р. *jdouc, vidíc*; мн. ч.: *jdouce, vidíce* ‘идя’, ‘видя’), так наз. прошедшего времени со значением предшествования (не будущему действию), как правило, у глаголов совершенного вида (ед. ч.: м. р. *přišed, uviděv*, ж. и ср. р. *přišedši, uviděvši*, мн. ч.: *přišedše, uviděvše* ‘придя, пришед(ши)’, ‘увидев’; ср. также *byv, byvši, byvše* при наст. вр. *jsa, jsouc, jsouce* ‘будучи’ от глагола *být*) и так наз. будущего времени со значением предшествования будущему действию у некоторых глаголов совершенного вида (*přijda, přijdouc, přijdouce*). Из этих деепричастий в современном литературном Ч.я. используются в книжном стиле по большей части формы настоящего времени; в разговорном Ч.я. деепричастия как таковые отсутствуют.

В предложении временные отношения могут выражаться также лексически и синтаксически: падежными либо предложно-падежными конструкциями существительных со значением определенного отрезка времени: *za rok* (вин. п.) ‘через год (с момента в настоящем или будущем)’, *po roce* (местн. п.) ‘спустя год (с момента в прошлом)’, *do roka* (род. п.) ‘в течение года’ и т. п., в сложном предложении – союзами: *až* ‘когда (с момента в настоящем или будущем)’, *když* ‘когда (с момента в прошлом)’, *jakmile / jen (co) / sotva(že)* ‘как только, едва’ и др.

Категория л и ца в сфере *Verbum finitum* выражается в сопряжении с категорией числа личными формами глагола 1-го, 2-го и 3-го лица ед. и мн. числа. Дефектную парадигму в данном смысле имеет повелительное наклонение, в котором по семантическим причинам отсутствуют формы 1-го лица ед. числа, а синтетические формы 3-го лица ед. числа и в отдельных случаях мн. числа, совпадающие с формами 2-го лица, выступают лишь изредка в составе фразеологизованных оборотов типа *nedej Pánbůh* ‘не дай Бог’; ср. также повел. накл. 3-го лица глагола *být* в пассиве: *Pochválen bud’ Ježíš Kristus!* ‘Слава Иисусу Христу!’ (о конструкциях *ai’nech(a)t’* + презенс со значением побуждения 3-го лица см. 2.3.5.).

Кроме этого, классифицирующая категория лица присуща личным и притяжательным местоимениям: 1 л. *já* ‘я’, *můj* ‘мой’, *my* ‘мы’, *náš* ‘наш’; 2 л. *ty* ‘ты’, *tvůj* ‘твой’, *vy* ‘вы’, *váš* ‘ваш’; 3 л.: *on* ‘он’, *ono* ‘оно’, *ona* ‘она’, *jeho* ‘его’, *oni* (м. р. одуш.), *ony* (м. р. неодуш., ж. р.), *ona* (ср. р.) ‘они’, *jeho* ‘его’, *jeju* ‘её’, *jejich* ‘их’. Употребление местоименного субъекта при *Verbum finitum* в Ч.я. маркировано или семантически, в случае логического акцентирования местоимения (*Víte to vy, vím to já...* ‘Об этом знаете вы, знаю я...’), или стилистически – в эмоционально окрашенных предложениях (типа *Ty to nevíš?* ‘Как, ты не знаешь?’), а также в разговорной речи. В обиходном Ч.я. местоимения 1-го лица в роли субъекта могут иметь даже грамматическую функцию показателей личной отнесенности глагола в прошедшем времени (при опущении вспомогательных форм *jsem* в ед. числе и *jsme* во мн. числе: *Já to věděl!* ‘Я так и знал!’).

Для обозначения 3-го лица наряду с местоимением *on* используется указательное местоимение *ten* ‘этот/тот’, часто придающее предложению экспрессивный оттенок (*Ten nám tu ještě chyběl!* ‘Его нам тут только не хватало!’). Местоимения *on* и *ten*, в оппозиции к *ten* в книжном языке иногда и *onen* ‘тот (другой)’, а также относительные *jenž* (книжное), *kteřý* ‘который’ и *co* ‘что’ (разговорное, употребляющееся в сочетании с формами местоимения *on* в объектной позиции) выступают в качестве основных анафорических средств (*Konzultoval jsem lékaře, ale on mi nepomohl / ... a ten mi pomohl* ‘Я проконсультировался с врачом, но он мне не помог / ... и он мне помог’; *Potkal známého, jehož / kterého / co ho už dlouho neviděl* ‘Он встретил знакомого, которого долго не видел’).

Дейктическая функция является первичной для указательных местоимений *ten* и семантически маркированных *tento* ‘этот (ближний)’ и *tamtén* ‘тот (далекий)’ наряду с устаревшим *onen* ‘тот, оный’ (в разговорном Ч.я. соответственно *tenhle/tenhleten* в оппозиции к *tamhleten* и др.). Немаркированный член этой системы – местоимение *ten* – имеет также другие смысловые функции, в частности, функцию напоминания и экспрессивную; при этом высокочастотное и в ряде случаев обязательное его употребление в разных таких функциях позволяет заключить, что оно сближается с определенным артиклем (*Počkejte s tím děckem venku* ‘Подождите с ребенком в коридоре’, *Já jdu na tu hodinu* ‘Я на урок (как мы договорились)’, *Zavři to okno!* ‘Закрой (ты это) окно!’). Определенность может выражаться также в связи со значением принадлежности, например, притяжательными прилагательными (см. 2.3.4.).

Разнообразными средствами сигнализируется в Ч.я. значение неопределенности. Это, в частности, функционально местоименные слова *jeden* ‘один’ и *člověk* ‘человек’: *Byl jednou jeden král* ‘Жил-был (один) король’, *Jeden / Člověk nikdy neví, co ho potká* ‘Никогда не знаешь, что тебя ждет’, *Člověka by to nikdy nenapadlo!* ‘Такое и в голову прийти не могло!’), а также целая система неопределенных местоимений и местоименных наречий с препозитивными частицами *ně-*, *leda-*, *lec-*, *všeli-*, *kde-*, *málo-* и постпозитивными *-si* (-s), *-koli(v)*: *něco* ‘что-то, что-нибудь’, *cośi* ‘что-то неизвестное, нечто’, *ledacos* ‘кое-что, всякое (там)’, *leccos* ‘кое-что, многое’, *cokoli(v)* ‘что угодно’, *všelicos* ‘всякое’, *kdeco* ‘многое, всё’, *máloco* ‘мало что’. На синтаксическом уровне неопределенность агенса выражают конструкции с формами пассива, рефлексива и «результативного состояния» глаголов (см. 2.3.5.), как и неопределенно- или обобщенно-личные предложения без субъекта с глагольными формами действительного залога 3-го и 1-го лица мн. числа, реже – 2-го лица ед. числа и, в сравнительных оборотах, 3-го лица ед. числа: *Tak nám zabili Ferdinanda* ‘Убили, значит, Фердинанда-то нашего’ (Я. Гашек), *Žampiony očistíme, omyjeme a nakrájíme na plátky* ‘Шампиньоны почистить, промыть и нарезать ломтиками’, *Hlavou zeď neprorazíš* ‘Стену лбом не прошибешь’, *Je to co by kamenem dohodil* ‘Это рукой подать (букв. ‘как будто бы камень добросил’)’. Неопределенность действия либо всего содержания предложения с точки зрения говорящего может передаваться формами будущего времени глагола *být*, модальными глаголами со значением долженствования *muset* и *mít*, вводными словами типа *asi* ‘наверное’, *prý* ‘говорят’ и другими лексическими средствами: *Vy to nebudete vědět* ‘Вы, наверное, этого не знаете’, *V noci muselo pršet* ‘Ночью, должно быть, шел дождь’, разг. *Měl prý kvůli tomu mít nějaké komplikace* ‘Говорят, у него из-за этого были какие-то неприятности’ и т. п.

Грамматическое отрицание выражает прежде всего частица *ne*, которая может иметь и самостоятельную предикативную функцию: *Nemáte hlad? – Zatím ne* ‘Вы не голодны? – Пока нет’, *Stalo se mi tuhle, co už dlouho ne* ‘Со мной на днях произошло такое, чего уже давно не происходило’ (К. Чапек). В иных случаях частица *ne* выступает обычно при *Verbum finitum* (в формах прошедшего времени и сослагательного наклонения – при причастии на *-l-*), даже если подразумевается не общее, а частное отрицание: *Nebylo to na jaře, ale ještě v zimě* ‘Это было не весной, а еще зимой’. Лишь при акцентировании частного отрицания *ne* ставится перед другим членом предложения: *v podchodech metra plakali lidé ne dojetím, ale slzným plynem* ‘в переходах метро плакали люди – не от чувств, а от слезоточивого газа’ (Б. Грабал). Ту же эмфатическую мотивацию имеет употребление отрицательной частицы в начале предложений (*Ne abys upadl!* ‘Смотри не упади!’, *Ne že bych se bál* ‘Не то чтобы я боялся’), в конструкциях с инфинитивом (*Otec ne a ne přijít*

‘Отец все не приходит/не приходил’). Акцентированное отрицание, как общее, так и частное, выражает также книжная частица *nikoli(v)*: „*Nikoliv, otče*“, – *čte Klára ze své role* ‘«Нет, отец!» – читает Клара свою роль’ (К. Чапек).

Лексико-грамматическое средство выражения частного отрицания представляют собой отрицательные местоимения и наречия с частицей *ni-*: *nikdo* ‘никто’, *nikdy* ‘никогда’, а также местоимение *žádný* ‘никакой, никто’. В предложении они могут сочетаться друг с другом и с основным отрицанием, формируя единую негативную модальность: *Nikdy se nikoho o nic neprosí* ‘Он никогда никого ни о чем не просит’. Напротив, двойное отрицание с *ne*, в одном случае чаще всего лексическое, меняет негативную модальность предложения на противоположную: *Není to tak nesmyslné* ‘Это не так бессмысленно’ (ср. также *Nebylo to špatně řečeno* ‘Неплохо было сказано’ с лексически отрицательным наречием без *ne*) и в авторском тексте Б. Грабала ... *nad ránem ke mně přicházejí bytosti, které ne poznám, ale naopak* ‘под утро меня посещают существа, которые не знакомы мне, а наоборот’.

Отрицание с *ne* может усиливать частица *ani*: *Ani se neptejte!* ‘И не спрашивайте!’ Связывая два члена отрицательного предложения или же повторяясь при каждом из двух либо нескольких таких членов, она приобретает функцию сочинительного союза: *Ráno ani v poledne / Ani ráno, ani v poledne teplá voda v domě netekla* ‘Ни утром, ни в обед горячей воды в доме не было’. К той же частице восходит подчинительный союз *aniž*, вводящий придаточные предложения со значением негативного побочного обстоятельства главного действия, сказуемое которых, однако, отрицания не имеет: *Odešel, aniž pozdravil* ‘Он ушел не попрощавшись’.

Отрицание в современном Ч.я., как правило, не влияет на синтаксическую структуру предложения: *Mám peníze* ‘У меня есть деньги’ – *Nemám peníze* ‘У меня нет денег’, *Byl jsem doma* ‘Я был дома’ – *Nebyl jsem doma* ‘Меня не было дома’. Трансформация именительного падежа субъекта и винительного прямого объекта в родительный при отрицании наблюдается лишь во фразеологизованных выражениях типа *o tom není pochyb* ‘в этом нет сомнений’ и в архаическом стиле: *Jsou lidé, kteří nemají peněz* ‘Бывают люди, у которых нет денег’ (К. Чапек).

2.3.7. По характеру категориальной семантики глагол, существительное, прилагательное, наречие, числительное, местоимение относятся к полнозначенательным (автосемантическим), а предлог, союз, частица, междометие – к неполнозначенательным (синсемантическим) словам. С грамматической же точки зрения части речи делятся прежде всего на изменяемые (первые шесть, причем изменяемость наречий сводится только к образованию некоторыми из них форм степеней сравнения) и неизменяемые (прочие четыре помимо отдельных изменяемых союзов, частиц и междометий).

Г л а г о л, обозначающий действия и состояния, характеризуется наличием ряда специфических категорий, неодинаковый набор которых присущ разным глагольным формам (см. 2.3.5.). Переходную ступень между глаголом и прилагательными представляет система причастий, которые изменяются по родам, числам и падежам и синтаксически функционируют подобно другим адъективным словам. Деепричастия по синтаксической функции близки наречиям, но в отличие от них имеют в литературном (книжном) Ч.я. формы числа, а в единственном числе также рода. К системе глагола чешская грамматическая традиция относит и отглагольные существительные с суффиксами *-en(i)/-n(i)/-t(i)* в силу парадигматичности их образования и регулярного сохранения ими глагольно-

го вида и в отдельных случаях возвратности, ср. *čtení* ‘чтение’ – *přečtení* ‘прочтение’, *učení* ‘обучение (кого-л.)’ – *učení se* ‘изучение’.

Сущест в и т е л ь н ы е, имеющие значение предметности в широком смысле, и прилагательные, обозначающие статический признак предмета, обладают общими для них именными категориями рода, числа и падежа, которые, однако, у существительных являются самостоятельными (причем первая классифицирующей, а другие две словоизменительными), в то время как у прилагательных – зависимыми (согласовательными). Переходный статус имеют притяжательные прилагательные, тяготеющие к падежным формам существительного (см. 2.3.4.). Качественные прилагательные и принимающие качественное значение относительные характеризуются также наличием форм степеней сравнения: *krásný* ‘красивый’ – *krásnější* ‘более красивый’ – *nejkrásnější* ‘самый красивый’, аналогично *těžký* ‘тяжелый’ – *těžší* ‘более тяжелый’ – *nejtěžší* ‘самый тяжелый’ и т. д. К парадигме таких прилагательных иногда относят и отадъективные наречия (с их собственными формами степеней сравнения), которые обозначают признак действия или другого признака либо состояния: *krásně* ‘красиво’ – *krásněji* ‘красивее’ – *nejkrásněji* ‘красивее всего’, *těžce/těžko* ‘тяжело (признак/состояние)’ – *(nej)tíže*. Кроме этих наречий, в данную часть речи входят также неизменяемые слова, выражающие разнообразные обстоятельственные отношения, в первую очередь пространственные и временные, в том числе так наз. местоименные наречия типа *tam* ‘там, туда’, *tehdy* ‘тогда’, семантически близкие местоимениям.

К числит е л ь н ы м, которые по значению являются счетными словами (квантификаторами), относятся грамматически неоднородные разряды прежде всего количественных, порядковых и собирательных числительных.

Количественные числительные объединяют слова: *jeden* ‘один’, грамматически не отличающееся от омонимичного ему местоимения; имеющие особые парадигмы *dva* ‘два’, *oba* ‘оба’, *tři* ‘три’, *čtyři* ‘четыре’, согласуемые с существительными в формах мн. числа, и ряд *pět* ‘пять’... *osm* ‘восемь’... *jedenáct* ‘одиннадцать’... *dvacet* ‘двадцать’... *padesát* ‘пятьдесят’... *devadesát* ‘девяносто’ с управлением родительным падежом мн. числа существительных в исходной форме и согласованием в остальных; морфологически близкие существительным, но синтаксически тяготеющие к числительным предыдущей группы и в некоторых выражениях неизменяемые *sto* ‘сто’, *tisíc* ‘тысяча’ (ср. *ke stu lidí / ke stu lidem / ke sto lidem* ‘к сотне человек’, *s tisícem korun / s tisíc korunami* ‘с тысячей крон’), существительные *milion* ‘миллион’, *miliarda* ‘миллиард’ и др.; составные числительные типа *čtyřicet pět* ‘сорок пять’ (и наряду с ними сложные типа *pětačtyřicet*), а также *dvě stě* ‘двести’, *tři sta* ‘триста’, *pět set* ‘пятьсот’, грамматические характеристики которых заданы свойствами их компонентов; неизменяемые слова *půl* ‘пол-’, *čtvrt* ‘четверть’ и выражение *tři čtvrtě/čtvrti* ‘три четверти’, входящие в сочетания с родительным падежом ед. числа существительных в позиции субъекта и прямого объекта и с прочими косвенно-падежными формами в остальных случаях (названия дробей типа *jedna pětina* ‘одна пятая’ являются обычными сочетаниями числительного с существительным). Всем количественным числительным, исключая слова последней группы и *oba*, соответствуют порядковые числительные, в грамматическом плане представляющие собой прилагательные (или их сочетания): *první* ‘первый’, *druhý* ‘второй’... *pátý* ‘пятый’... *dvacátý* ‘двадцатый’... *stý* ‘сотый’... *tisící* ‘тысячный’... *miliontý* ‘миллионный’, а также *čtyřicátý pátý* (и *pětačtyřicátý*) ‘сорок пятый’, *sto/stý dvacátý třetí* ‘сто двадцать третий’, *dvoustý* ‘двухсотый’, *pětistý* ‘пятисотый’ и т. п. Особую группу порядковых числительных составляют не

имеющие форм именительного падежа сложения типа *půldruhé (hodiny)* ‘полтора (часа)’, ср. *před půldruhou hodinou* ‘полтора часа назад’ и т. п.

Собирательные числительные делятся на несколько разрядов. Образования типа *dvé* ‘двое/два’, *tré* ‘трое/три’, *čtyvero* ‘четверо/четыре’ и т. д., требующие родительного падежа мн. числа существительных, грамматически функционируют как существительные среднего рода; в современном Ч.я. они представлены по большей части во фразеологических сочетаниях типа *čtyvero ročních období* ‘четыре времени года’, *desatero Božích přikázání* ‘десять Божьих заповедей’. Краткие формы мн. числа типа *dvoje* (и *oboje*), *troje*, *čtvery* (ср. р. *čtyvera*) и иногда ед. числа среднего и женского рода (соотв. *čtyvero* и *čtyvera*), согласующиеся с существительным в соответствующем числе, представлены только в именительном и винительном падежах; они сочетаются в основном с существительными *pluralia tantum* или названиями предметов, считаемых парами и иными множествами, и в редких случаях с собирательными, вещественными и абстрактными существительными (в ед. числе), обозначая при этом простое количество предметов: *dvoje hodinky* ‘двое часов’, разг. *čtvery marlborky* ‘четыре пачки «Мальборо»’, книж. *oboje řešení* ‘оба решения’ и т. п. В косвенных падежах подобные числительные выступают в полных формах. Только из полных форм состоит парадигма морфологически адъективных числительных типа *dvoji (oboji)*, *trojí*, *čtvery* и т. д., обозначающих количество видов: *dvoji látka* ‘ткань двух видов’, *tisícera nebezpečí* ‘тысяча опасностей (разных)’ и др.

Чешская грамматическая традиция, помимо этого, относит к данной части речи так наз. кратные числительные, которые представляют собой прилагательные типа *dvojnásobný* ‘двукратный’ и наречия типа *dvakrát* ‘дважды’, и разделительные числительные – сочетания предлога *po* с количественными числительными в местном падеже типа *po dvou* ‘по два’, имеющие дистрибутивное значение. В рамках перечисленных разрядов традиционно рассматриваются и так наз. неопределенные числительные – склоняемые подобно числительным типа *pět* слова *málo* ‘мало’, *mnoho* ‘много’ (и неизменяемые *trochu* ‘немного’, разг. *hodně*, *moc* ‘много’), семантически близкие местоимениям *kolik* ‘сколько’, *tolik* ‘столько’, *několik* ‘несколько’, имеющие порядковые, собирательные и кратные формы: *kolikátý* ‘какой по счету’, *tolikery* ‘стольких видов’, *několikrát* ‘несколько раз’, и другие слова.

М е с т о и м е н и я как особая часть речи выделяются на основании их общекатегориального значения указания или отсылки к другим частям речи, в первую очередь к именам существительным и прилагательным (о местоименных наречиях и аналогичных местоимениям числительных см. выше). С учетом парадигматических связей и в большей или меньшей степени грамматических свойств различают соответственно местоимения-существительные и местоимения-прилагательные. По характеру семантики местоимения подразделяются на личные, возвратное *sebe*, притяжательные, указательные, неопределенные, отрицательные (см. 2.3.6.), вопросительные и относительные *kdo* ‘кто’, *co* ‘что’, *který* ‘который’, *jaký* ‘какой (по качеству)’, *čí* ‘чей’ (в группу относительных помимо того входят книжные *jenž* ‘который’, *kdož* ‘кто’ и обобщающее *což* ‘что’), а также определительные *všechen* ‘весь’, *každý* ‘каждый’, *tentýž* ‘тот же’, *sám* ‘сам’, *samý* ‘сам, весь (сплошной)’.

П р е д л о г и и с о ю з ы служат для связи слов в предложении или (только союзы) предложений друг с другом. Предлоги делятся на первичные: *bez* ‘без’, *od* ‘от’, *pro* ‘для’ и др., и вторичные: *místo* ‘вместо’, *díky* ‘благодаря’, *vyjma* ‘за исключением’ и т. п. Первичные предлоги часто сохраняют соотносительность с глагольными приставками и

способны дублировать их (*dojíst do konce* ‘доесть до конца’, *obrat o peníze* ‘обобрать, отняв деньги’), а в разговорном Ч.я. некоторые из них могут приобретать наречную функцию подобно немецким отделяемым приставкам (*Plavem přes!* ‘Поплыли на ту сторону!’). Союзы подразделяются на простые непроезводные *a, i* ‘и’, *že* ‘что’ и др., производные *proto* ‘поэтому’, *ačkoli/ačkoliv* ‘хотя’ и др., составные *i když* ‘хотя’, в том числе неоднородные *nejen... ale i* ‘не только... но и’, *bud'...(a)nebo* ‘либо... либо’. В соответствии с характером выражаемой ими синтаксической связи различают союзы сочинительные (соединительные *a, i*, разделительные *(a)nebo, či* ‘или’, противительные *ale* ‘но’, *(a)však* ‘однако’, градационные *ba* ‘и даже’, *a navíc* ‘более того’, пояснительные *totiž* ‘то есть’, *a tak* ‘вот и’ и др.) и подчинительные (времени *když* ‘когда’, *zatímco* ‘пока’, условия *jestli/jestliže* ‘если’, спрягаемый *kdybych, kdybys, kdyby...* ‘если бы’, причины, следствия и цели *protože* ‘потому что’, *takže* ‘так что’, спрягаемый *abych, abys, aby...* ‘чтобы’ и др.).

Частицы придают содержанию предложения модальную либо экспрессивную окраску или же выделяют определенный член предложения. Модальную функцию имеют частицы: побудительные *ať, nech(a)ť* ‘пусть’ (см. 2.3.5.); отрицательные, включая словообразующую *ni-* (см. 2.3.6.); вопросительные *jestli, zda(li)* ‘ли’, вводящие чаще косвенные вопросы (*Nevím, jestli je to pravda* ‘Не знаю, правда ли это’) и др. Экспрессивная функция может сочетаться с модальной, например, у частицы *ať* в конструкциях типа *Ať už jsi zticha!* ‘Да тихо ты!’, у оптативной *kéž* ‘хоть бы’ (*Kéž už konečně přijde / Kež by už konečně přišel!* ‘Хоть бы он уже пришел!’), у вопросительной разговорной *copak* ‘разве, неужели’ (*Copak nečtete noviny?* ‘Вы что, газет не читаете?’) и т. д. Чисто экспрессивную функцию выполняют постпозитивная частица *-pak*, присоединяющаяся к вопросительным словам (*Copak?* ‘Что такое?’), частицы *vždyť, přece, však* ‘ведь, же’ и др. Выделительные частицы: *právě, zrovna* ‘именно, как раз’, *dokonce* ‘даже’, *aspoň* ‘хоть бы’ и т. п. Частицы обнаруживают тесную связь с союзами: между теми и другими нередко наблюдаются переходы в обоих направлениях. Так, союзами становятся частицы *ani* ‘ни’ (см. 2.3.6.), *jen* ‘только’, *leda* ‘разве что’, *stejně* ‘все равно’ и т. д. (*Jen jsem se dal do práce, hned někdo zazvonil* ‘Только я начал работать, как кто-то позвонил’, *Dnes nikam nejdu, leda večer / ... stejně venku lijí* ‘Сегодня я никуда не пойду, разве что вечером / ... все равно на улице льет дождь’); при этом многие частицы выступают также компонентами сложных или составных союзов: *aniž* ‘без того чтобы’, *jenže* ‘да только’, *jen co* ‘как только’, *i když...* *přece* ‘хотя... всё же’. В частицы, наоборот, переходят такие союзы, как *ale, že, proto* (*To je ale počasí!* ‘Ну и погода!’, *Že se nestydíte!* ‘И не стыдно вам?’, *No proto!* ‘То-то же!’), спрягаемый союз *abych, abys, aby...*, который может терять изменяемость (*Určitě přijdu včas – Jen aby!* ‘Я точно приду вовремя – Ну-ну!’) и др. В качестве частиц функционируют и слова других частей речи, особенно наречия и местоимения. К последним восходят частицы *to* (*To už jsi tady?* ‘Как, ты уже здесь?’) и согласуемая с субъектом, а при его отсутствии принимающая форму среднего рода *on, ona, ono*, которая выражает удивление или пояснение (*Ono se zase ochladilo!* ‘Надо же, опять похолодало!’, *Ona ta babička to s vámi myslí dobře...* ‘Ведь бабушка желает вам добра...’).

Междометия подразделяются на звукоподражания типа *mňau* ‘мяу’, *pfí* ‘фью, фьюить’ и слова, выражающие эмоции и волевые проявления говорящего, которые бывают простыми (непроизводными): *jé* ‘ой (при удивлении или восхищении)’, *hej rup* ‘раз-два, взяли’, *haló* ‘эй, послушайте’, и производными от других частей речи: *Bože!/Bóže!* ‘Боже!’, *No dovol, dovolte!* ‘Ну, знаешь, знаете! (букв. ‘Позволь, позвольте!’) и т. п. Слова последней группы иногда сохраняют остатки изменяемости и синтагматики

исходной части речи, ср. *hele/heled'* (генетически – форма 2-го лица ед. числа повелительного наклонения глагола *hledět* ‘глядеть’) ‘эй’ и *heleme/heled'me se, heled'te/helejte se* в 1-м и 2-м лице мн. числа при *hele ho, vida ho* (генетически – деепричастие муж. рода ед. числа глагола *vidět* ‘видеть’) ‘поглядите-ка на него!’ По аналогии подобного типа изменяемость в отдельных случаях распространяется и на непроезводные междометия, например *Kuš!* ‘Цыц!’ и *Kušte!* при обращении к нескольким лицам, а также *sakra* и *ksakru* ‘черт возьми’ (ср. *čerta* ‘ни черта’, *k čertu* ‘к черту’).

2.4.0. Образцы парадигм.

Г л а г о л

П р е з е н с

	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л.	-и, -i, -m	-me
2 л.	-š	-te
3 л.	-Ø	-ou, -í

Окончания 1-го лица ед. числа -и, -i и 3-го лица мн. числа -ou, -í получают глаголы, образующие остальные формы с тематическим суффиксом -e-; при этом -i и -í выступают в неодинаково маркированных книжных вариантах названных форм у глаголов с презентной основой на -j и на шипящие согласные: *nést* ‘нести’ – ед. ч.: 1 л. *nesu*, 2 л. *neseš*, 3 л. *nese*, мн. ч.: 1 л. *neseme* (разг. также *nesem*), 2 л. *nesete*, 3 л. *nesou*; *pracovat* ‘работать’ – ед. ч.: 1 л. *pracuji/pracuju*, 2 л. *pracuješ*, 3 л. *pracuje*, 3 л. мн. ч. *pracují/pracujou*; *psát* ‘писать’ – 1 л. ед. ч. *píši/píšu*, 3 л. мн. ч. *píši/píšou* Только окончание -i в 1-м лице ед. числа имеет глагол *chtít* ‘хотеть’ – ед. ч.: 1 л. *chci*, 2 л. *chceš*, 3 л. *chce* при нерегулярной форме 3-го лица мн. числа *chtějí*.

Окончание -m в 1-м лице ед. числа получают глаголы, образующие эту и другие формы, кроме 3-го лица мн. числа, с тематическими суффиксами -á- (типа *dělat* ‘делать’ – ед. ч.: 1 л. *dělám*, 2 л. *děláš*, 3 л. *dělá* и т. д.) и -í- (типа *umět* ‘уметь’ – ед. ч.: 1 л. *umím*, 2 л. *umíš*, 3 л. *umí* и т. д. и *prosít* ‘просить’ – ед. ч.: 1 л. *prosím*, 2 л. *prosíš*, 3 л. *prosí*; у отдельных глаголов гласная -í- основы является корневой, ср. *vědět* ‘знать’ – ед. ч.: 1 л. *vím*, 2 л. *víš*, 3 л. *ví* и т. д.). В 3-м лице мн. числа такие глаголы имеют окончание -í; при этом в типе *dělat* основа завершается на -aj (*dělají*), в типе *umět* – на -ej (*umějí*) или на корневую согласную (разговорный вариант *umí*), в типах же *prosít* и *vědět* – только на корневую согласную (*prosí, vědí*).

Синтетические приставочные формы будущего времени глаголов движения образуются так же, как бесприставочные формы презенса Особо спрягается глагол *být* ‘быть’ (см. ниже).

Повелительное наклонение

	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л.	-	-me, -eme
2 л.	Ø, -i	-te, -ete

Формы повелительного наклонения образуются от презентной основы без тематического суффикса, у глаголов типа *dělat* и *umět* – от основы 3-го лица мн. числа на *-j*; при этом в типе *dělat* конечное *-aj* изменяется в *-ej*. Согласные *n*, *t*, *d* в исходе основы перед окончаниями повелительного наклонения, включая \emptyset , смягчаются (*vstaň* ‘встань’, *pojd'me* ‘пойдем, -те’, *nejezděte* ‘не ездите’), губные же согласные перед окончаниями мн. числа *-eme*, *-ete* йотируются (*pozvěte* ‘пригласите’). Окончания без гласных выступают после основ, завершающихся одиночной согласной и отдельными консонантными группами; в остальных случаях используются окончания с гласными.

Формы глагола *být* ‘быть’

	Презенс		Сослагательное наклонение	
	Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л.	<i>jsem</i>	<i>jsme</i>	<i>bych</i>	<i>bychom</i>
2 л.	<i>jsi</i>	<i>jste</i>	<i>bys</i>	<i>byste</i>
3 л.	<i>je</i> , отриц. <i>není</i>	<i>jsou</i>	<i>by</i>	<i>by</i>

В функции вспомогательного глагола при образовании форм прошедшего времени глагол *být* имеет в 3-м лице обоих чисел нулевую форму, а во 2-м лице ед. числа может иметь форму *-s*, регулярно функционирующую у возвратных глаголов (*vrátil ses* ‘ты вернулся’, разг. *vrátil jsi se*) и факультативно, преимущественно в разговорном Ч.я., у остальных (*přišel jsi/přišels* ‘ты пришел’). Формы будущего времени глагола *být* образуются от основы *bud(e)-* с презентными окончаниями глаголов типа *nést*; та же основа выступает в формах повелительного наклонения (*bud'* и т. д.). Отрицательная форма 3-го лица единственного числа презенса имеет нерегулярный вид *není*.

Существительное

Падеж	Мужской род			
	Твердый тип (<i>hrad</i> ‘замок’, <i>pán</i> ‘господин’)		Мягкий тип (<i>palác</i> ‘дворец’, <i>muž</i> ‘мужчина’)	
	Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.
Им.	\emptyset	<i>-y</i> , одуш. <i>-i, -ové, -é</i>	\emptyset	<i>-e</i> , одуш. <i>-i, -ové, -é</i>
Род.	<i>-u, -a</i> , одуш. <i>-a</i>	<i>-ů</i>	<i>-e</i>	<i>-ů</i>
Дат.	<i>-u</i> , одуш. <i>-oví, -u</i>	<i>-ům</i>	<i>-i</i> , одуш. <i>-oví, -i</i>	<i>-ům</i>
Вин.	\emptyset , одуш. <i>-a</i>	<i>-y</i>	\emptyset , одуш. <i>-e</i>	<i>-e</i>
Местн.	<i>-ě, -u</i> , одуш. <i>-oví, -u</i>	<i>-ech, -ích, -ách</i>	<i>-i</i> , одуш. <i>-oví, -i</i>	<i>-ích</i>
Твор.	<i>-em</i>	<i>-y</i>	<i>-em</i>	<i>-i</i>
Зват. форма	<i>-e, -u</i>	–	<i>-i, -e</i>	–

	Средний род					
	Твердый тип (<i>město</i> 'город')		Мягкий тип (<i>pole</i> 'поле')		Тип <i>stavení</i> 'здание'	
Падеж	Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.
Им.	-o	-a	-e	-e	-í	-í
Род.	-a	Ø	-e	-í, Ø	-í	-í
Дат.	-u	-ím	-i	-ím	-í	-ím
Вин.	-o	-a	-e	-e	-í	-í
Местн.	- ^ʹ e, -u	-ech, - ^ʹ ích, -ách	-i	-ích	-í	-ích
Твор.	-em	-y	-em	-i	-ím	-ími
Зват. форма	-	-	-	-	-	-

	Женский род					
	Твердый тип (<i>žena</i> 'женщина')		Мягкий тип (<i>duše</i> 'душа', <i>píseň</i> 'песня')		Тип <i>kost</i> 'кость'	
Падеж	Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.
Им.	-a	-y	-e, Ø	-e	Ø	-i
Род.	-y	Ø	-e	-í, Ø	-i	-i
Дат.	- ^ʹ e	-ám	-i	-ím	-i	-em
Вин.	-u	-e	-i, Ø	-e	Ø	-i
Местн.	- ^ʹ e	-ách	-i	-ích	-i	-ech
Твор.	-ou	-ami	-i	-emi	-í	-mi
Зват. форма	-o	-	-e	-	-i	-

П р и м е ч а н и е: Апостроф перед флексией обозначает возможную палатализацию или другое чередование предшествующей согласной.

Выбор вариантов окончаний (в таблицах даются через запятую) может быть традиционным (-a в род. падеже ед. числа неодуш. существительных муж. рода твердого склонения: *dvůr* 'двор' – *dvora*, *chléb* 'хлеб' – *chleba*, *život* 'жизнь' – *života*, всего несколько десятков имен) или обуславливаться разнообразными факторами: помимо одушевленности/неодушевленности у существительных муж. рода, морфонологическими (-^ʹích в местн. падеже мн. числа существительных муж. и средн. рода твердого склонения, прежде всего у имен с основой на велярные и ларингальные с чередованиями *k // c, h, g // z, ch // š*: *zámek* 'дворец' – *na zámciích*, *roh* 'угол' – *v rozích*; -u в зват. форме существительного муж. рода твердого склонения с основой на те же согласные); морфонологическими (-ách в местн. падеже мн. числа тех же существительных, в первую очередь уменьшительных с основой на -k: *kousek* 'кусок' – *po kouskách* при книж. *po kouscích*); морфонологическими (-u в местн. падеже ед. числа тех же существительных с основой на *k, h, g, ch* и другие согласные, особенно у новых слов, во избежание чередования перед -^ʹe, и для дифференциации пространственного и отвлеченного значе-

ний, ср. *po západu slunce* ‘после захода солнца’ – *na západě* ‘на западе’); семантическими (-*ové* с собирательным значением в им. падеже мн. числа одушевленных существительных муж. рода твердого и мягкого склонений, ср. *otec* ‘отец’ – *otcové*); словообразовательными в сочетании с традиционным выбором (-*é* в им. падеже мн. числа одушевленных существительных муж. рода твердого и мягкого склонений, особенно типа *měšťan* ‘горожанин’ – *měšťané*, *učitel* ‘учитель’ – *učitelé*; Ø в род. падеже мн. числа существительных средн. и жен. рода мягкого склонения, особенно типа *letišťe* ‘аэропорт’ – *letišť* и *železnice* ‘железная дорога’ – *železnic*; -*e* в зват. форме существительных муж. рода мягкого склонения типа *chlapec* ‘мальчик’ – *chlapče*); синтагматическими (-*u* и -*i* в дат. и местн. падеже одушевленных существительных муж. рода твердого и мягкого склонений наряду с -*ovi*, см. 2.3.2.).

Существительные жен. рода мягкого склонения в им. и вин. падеже ед. числа могут иметь окончания -*e*, -*i* (тип *duše*) и Ø (тип *píseň*). По типу *kost* последовательно склоняются существительные на -*ost*, -*est* (*radost* ‘радость’, *bolest* ‘боль’) и ряд иных на -*st* (*část* ‘часть’, *čest* ‘честь’, род. п. ед. ч. *cti*), а также отдельные существительные на другие согласные: *věc* ‘вещь, дело’, *řeč* ‘речь’, употребляющиеся во мн. ч. существительные *děti* ‘дети’ и *lidé* ‘люди’. Многие другие существительные жен. рода с окончанием Ø в им. падеже ед. числа колеблются в склонении между типами *píseň* и *kost*.

Существительные среднего рода типа *kuře* ‘цыпленок’ с расширяющейся основой имеют в косвенных падежах ед. числа окончания мягкого (*kuřete*, *kuřeti* и т. д.), а во мн. числе – твердого (*kuřata*, *kuřat*, *kuřatům* и т. д.) склонений. Аналогично окончания мягкого склонения, иногда только в качестве вариантов, принимают в косвенных падежах ед. числа существительные среднего рода типа *břemeno* (// устар. *břímě*) ‘ноша, бремя’ и муж. рода типа *kámen* ‘камень’. Отдельные существительные среднего и жен. рода, обозначающие парные части тела, сохраняют в некоторых формах или же во всей парадигме мн. числа окончания бывшего двойственного числа (-*ou* в род. и местн. падежах существительных среднего рода *kolena* ‘колени’, *ramena* ‘плечи’, *prsa* ‘грудь’, жен. рода *nohy* ‘ноги’ и *ruce* ‘руки’ с особым окончанием также в им. падеже; -*ama* в твор. падеже тех же существительных жен. рода и -*ima* у существительных *oči* ‘глаза’, *uši* ‘уши’, в остальном склоняющихся во мн. числе по типу *píseň*). На -*ma* оканчиваются также формы твор. падежа мн. числа согласуемых с этими существительными слов (*velkýma očima* ‘большими глазами’ и т. п.). Одушевленные существительные муж. рода с окончанием им. падежа ед. числа -*a* типа *starosta* ‘староста, мэр’ имеют также в род., вин. и твор. падежах ед. числа формы по типу *žena*, а существительные муж. рода типа *soudce* ‘судья’ только в им. падеже ед. числа отличаются окончанием от существительных типа *muž*.

Особые типы склонения имеют существительные иноязычного происхождения: в частности, латинского и греческого, оканчивающиеся в им. падеже ед. числа на -*us/-os/-es* (м. р.), -*um/-on* (ср. р.), в остальных же формах утрачивающие эти элементы; греческого ср. р. с основой на -*ma* в им. падеже единственного числа, расширяющейся элементом -*t-* в других формах (тип *téma* ‘тема’ – род., дат. и местн. п. ед. ч. *tématu*, в остальном с окончаниями существительных типа *město*). Ряд латинизмов и грецизмов сохраняет входящие к языку-источнику чередования конечных согласных основы, выступающих в именительном падеже единственного числа, с другими в остальных формах: например, существительные м. р. типа *prézens* ‘презенс, прошедшее время’ – род. п. ед. ч. *prézentu*; существительные ж. р. типа *bronchitis* ‘бронхит’ – род. п. ед. ч. *bronchitidy* (формы им. п.

ед. ч. на *-tis* употребляются в специальной терминологии при более обычных на *-tida*). Некоторые заимствованные существительные допускают нарушение закономерностей сочетаемости фонем на стыке основы с флексией, действующих в собственно чешских словах, хотя в части форм могут и адаптироваться к ним. Таковы в особенности: 1) тип *idea* 'идея', в одних формах с флексиями существительных ж. р. твердой разновидности непосредственно после основы на гласный, а в других, дублетных или единственно возможных, – с флексиями мягкой разновидности склонения, присоединяемыми к основе, расширенной элементом *-j-* (род. п. ед. ч. *idey/ideje* и аналогично в большинстве других форм, но в дат., местн. п. ед. ч. только *ideji*, в род. п. мн. ч. *ideji*); 2) типы *kakadu* 'какаду' с флексиями одушевленных существительных м. р. твердой разновидности после основы на гласный (род., вин. п. ед. ч. *kakadua*, дат., местн. п. ед. ч. *kakaduovi* и т. д.) и *kivi* 'киви' (птица) с флексиями, как у прилагательных, но без начального гласного, присоединяемыми к основе существительного на гласный, во множественном числе – с дублетными формами, в которых за этой основой следуют флексии одушевленных существительных м. р. мягкой разновидности (род., вин. п. ед. ч. *kiviho* и т. д., им. п. мн. ч. *kiviové/kivi*, вин. п. мн. ч. *kivie/kivi* и т. д.).

Некоторые специфические коллизии, возникающие при склонении иноязычных имен собственных, также связаны, с одной стороны, с их нестандартным завершением с точки зрения типов склонения чешских существительных, а с другой – с несоответствием их звукового облика и письменной формы. Так, если звуковой облик мужского имен собственного оканчивается на согласный, произносимое в языке-источнике завершение его письменной формы в парадигме игнорируется, если же на гласный, то, при наличии в конце письменной формы согласного, он может быть мобилизован при склонении: ср. *Alexandre Dumas* [dima] – *romány Alexandra Dumase* [dimase] 'романы Александра Дюма'; *Eugène Delacroix* [delakroa] – *obrazy Eugèna Delacroixe* [delakroaze] 'картины Эжена Делакруа'; *firma Renault* [reno] *byla založena roku 1899 Louisem Renaultem* [renotem] 'фирма Рено была основана в 1899 г. Луи Рено' и т. д.

О к о н ч а н и я п р и л а г а т е л ь н ы х

Падеж	Твердый тип (<i>dobry</i> 'хороший')						Мягкий тип (<i>letní</i> 'летний')		
	Ед. число			Мн. число			Ед. число		Мн. число
	М. р.	Ср. р.	Ж. р.	М. р.	Ж. р.	Ср. р.	М. р., ср. р.	Ж. р.	М. р., ср. р., ж. р.
Им.	-ý	-é	-á	-é, одуш. -í	-é	-á	-í		-í
Род.	-ého		-é	-ých			-ího	-í	-ích
Дат.	-ému		-ě	-ým			-ímu	-í	-ím
Вин.	-ý, одуш. -ého	-é	-ou	-é	-é	-á	-í, одуш. -ího	-í	-í
Местн.	-ém		-ě	-ých			-ím	-í	-ích
Твор.	-ým		-ou	-ými			-ím	-í	-ími

Некоторые качественные прилагательные твердого типа, а также страдательные причастия имеют краткие формы им. падежа и редко употребляемые формы вин. падежа с окончаниями, как у существительных соответствующего рода твердого склонения (*hoden*

‘достоин’, ж. р. *hodna*, ср. р. *hodno*, мн. ч. м. р. одуш. *hodni* и т. д.; ср. вин. п. ед. ч. м. р. одуш. *Neuznala ho za hodna pohledu* ‘Она не сочла его достойным взглядом’). Притяжательные прилагательные типа *otcův* ‘отцов’, *matčín* ‘материн’ регулярно получают такие краткие формы не только в прямых падежах обоих чисел, но и в род., дат. и местн. падежах ед. числа (м. р. и ср. р. *otcova, otcovu, otcově/otcovu*, ж. р. *otcovy, otcově*).

О к о н ч а н и я м е с т о и м е н и й т и п а *ten* ‘этот/тот’, *náš* ‘наш’

Падеж	Твердый тип (<i>ten</i>)						Мягкий тип (<i>náš</i>)			
	Ед. ч.			Мн. ч.			Ед. ч.			Мн. ч.
	М. р.	Ср. р.	Ж. р.	М. р.	Ж. р.	Ср. р.	М. р.	Ср. р.	Ж. р.	М. р., ср. р., ж. р.
Им.	Ø	-o	-a	-y, одуш. -i	-y	-a	Ø	-e	-e	-e, одуш. м. р. -i
Род.	-oho		-ě	-ěch			-eho		-í	-ich
Дат.	-omu		-ě	-ěm			-emu		-í	-im
Вин.	неодуш. = им. п. одуш. = род. п.	-o	-u	-y	-y	-a	неодуш. = им. п. одуш. = род. п.	-e	-i	-e
Местн.	-om		-ě	-ěch			-em		-í	-ich
Твор.	-ím		-ou	-ěmi			-ím		-í	-imi

По твердому типу *ten* (далее с основой без *-en*) склоняются указательные местоимения, неопределенное местоимение и числительное *jeden* ‘один’, а также не различающее рода и числа местоимение *kdo* ‘кто’ и его производные (далее с основой *k-*, твор. п. *kým*). Кроме того, в им. падеже обоих чисел формы по тому же типу образует местоимение 3-го лица *on* ‘он’, в им. и вин. падежах обоих чисел местоимение *sám* ‘сам’, имеющее в остальном адъективное склонение, а в тех же падежах ед. числа и во всех падежах мн. числа также *všechen* ‘весь’ (ср. р. *všechno*, ж. р. *všechna*; та же основа в прочих формах прямых падежей, особо – одушевленно-мужская форма им. падежа мн. числа *všichni*; формы косвенных падежей с основой *vš-*). Окончания мягкого типа имеют остальные формы местоимений *on* (с основой *j-*, после предлога – *ň-*, кроме кратких форм род.-вин. и дат. падежей муж. и среднего рода *ho, mu*) и *všechen*, как и все формы местоимения *co* ‘что’ и его производных (далее с основой *č-*), относительного местоимения *jenž* (далее с основой *j-/ň-* при сохранении постфикса *-ž*) и притяжательных местоимений *náš* ‘наш’, *váš* ‘ваш’ (далее с сокращением корневого гласного). Те же окончания принимают формы прямых падежей притяжательных местоимений *můj* ‘мой’, *tvůj* ‘твой’, *svůj* ‘свой’ от основ на *-j* (ж. р. и ср. р. ед. ч. *moje*, одушевленно-мужская форма им. п. мн. ч. *moji* и т. д.), которые в косвенных падежах, а в качестве вариантов и в прямых, кроме им. падежа ед. числа муж. рода, образуют формы по типу прилагательных от основ *m-, tv-, sv-*. В косвенных падежах единственного числа женского рода наряду с такими адъективными формами норма современного литературного Ч.я. также допускает формы от основ *moj-*,

tvoj-, svoj-, т. е. *má/moje* ‘моя’ – род., дат., местн. п. ед. ч. *mé/mojí*, вин. п. ед. ч. *mou/moji*, твор. п. ед. ч. *mou/moji* и т. п.

Л и ч н ы е м е с т о и м е н и я

Падеж	Ед. ч.		Мн. ч.	
	1 л.	2 л.	1 л.	2 л.
Им.	<i>já</i>	<i>ty</i>	<i>my</i>	<i>vy</i>
Род.	<i>mne, mě</i>	<i>tebe, tě</i>	<i>nás</i>	<i>vás</i>
Дат.	<i>mně, mi</i>	<i>tobě, ti</i>	<i>nám</i>	<i>vám</i>
Вин.	<i>mne, mě</i>	<i>tebe, tě</i>	<i>nás</i>	<i>vás</i>
Местн.	<i>mně</i>	<i>tobě</i>	<i>nás</i>	<i>vás</i>
Твор.	<i>mnou</i>	<i>tebou</i>	<i>námi</i>	<i>vámi</i>

Возвратное местоимение *sebe* ‘себя’, не имеющее формы им. падежа, склоняется как *ty* (*tebe*). Краткие формы род.-вин. и дат. падежей местоимений *já, ty* и возвратного местоимения в литературном Ч.я. являются энклитическими, за исключением формы род.-вин. падежа *mě*, которая под влиянием разговорного узуса вытесняет полную форму, ср. *Mě si nevšimějte* (устар. *Mne...*) ‘На меня не обращайтесь внимания’. В разговорном Ч.я. местоимение *já* имеет в род.-вин. и дат. падежах единую форму [mɲ'e] с кратким вариантом дат. падежа *mi*.

К о л и ч е с т в е н н ы е и н е о п р е д е л е н н ы е ч и с л и т е л ь н ы е

Им. п., вин. п.	м. р. <i>dva</i> ‘два’, <i>oba</i> ‘оба’, ср. р., ж. р. <i>dvě, obě</i>	<i>tři</i> ‘три’	<i>čtyři</i> ‘четыре’	<i>pět</i> ‘пять’	<i>mnoho</i> ‘много’	<i>tolik</i> ‘столько’
Род. п.	<i>dvou</i>	<i>tří,</i> разг. <i>třech</i>	<i>čtyř,</i> разг. <i>čtyřech</i>	<i>pěti</i>	<i>mnoha</i>	<i>tolika</i>
Дат. п.	<i>dvěma</i>	<i>třem</i>	<i>čtyřem</i>	<i>pěti</i>	<i>mnoha</i>	<i>tolika</i>
Местн. п.	<i>dvou</i>	<i>třech</i>	<i>čtyřech</i>	<i>pěti</i>	<i>mnoha</i>	<i>tolika</i>
Твор. п.	<i>dvěma</i>	<i>třemi</i>	<i>čtyřmi</i>	<i>pěti</i>	<i>mnoha</i>	<i>tolika</i>

2.5.0. Морфосинтаксические сведения.

2.5.1. Типичные структуры словоформ:

личные формы глагола – (префикс) + корень + (словообразовательный суффикс) + основообразующий, или тематический, суффикс + окончание: *koup-í-t* ‘я куплю’, *na-kup-uj-e-š* ‘ты покупаешь’;

неличные формы глагола – (префикс) + корень + (словообразовательный суффикс) + (основообразующий, или тематический, суффикс) + формообразующий суффикс + (окончание): *koup-en-ý* ‘купленный’, *na-kup-uj-íc-í* ‘покупающий’, *na-kup-ov-a-t* ‘покупать’;

имена и местоимения – (префикс) + корень + (словообразовательный суффикс) + окончание: *ná-kup-Ø* ‘покупка’, *ná-kup-n-í* ‘покупательный, для покупок’;

формы степеней сравнения прилагательных – (префикс) + корень + (словообразовательный суффикс) + формообразующий суффикс + окончание: *lev-n-ějš-í* ‘более дешевый’, *nej-lev-n-ějš-í* ‘самый дешевый’;

отадъективные наречия – (префикс) + корень + (словообразовательный суффикс) + формообразующий суффикс: *lev-n-ě* ‘дешево’, (*nej*)-*lev-n-ěji* ‘дешевле (всего)’;

местоимения также – корень + окончание + постфикс: *t-ý-ž*, *t-ého-ž* и т. д. ‘тот же самый’, *ten-Ø-to/-hle*, *t-oho-to/-hle* и т. д. ‘этот’; ср. разг. *tenhleten*, *tohohletoho* и т. д.);

непроизводные слова остальных частей речи – корень.

2.5.2. Основные способы словообразования:

суффиксальный: *sed-ě-t* ‘сидеть’ – *sed-nou-t* ‘сесть’ – *sed-a-t* ‘сидиться’, *sed-a-c-í* ‘сидячий, для сидения’, *sed-a-dlo* ‘сиденье’, *mladý* ‘молодой’ – *mlád-nou-t* ‘молодеть’, *mlád-enec* ‘молодой человек, холостяк’, *mládenec-k-ý* ‘холостяцкий’, *lyže* ‘лыжи’ – *lyž-ova-t* ‘кататься на лыжах’;

префиксальный: *u-sednout*, *u-sedat* ‘сесть, сидиться (за что-л.)’, *o-mládnout* ‘помолодеть’, *za-lyžovat si* ‘покататься на лыжах’, *věk* ‘эпоха, возраст’ – *pravěk* ‘первобытная эпоха’, *krásný* ‘красивый’ – *překrásný* ‘прекрасный’;

префиксально-суффиксальный: *běh-a-t* ‘бегать’ – *vy-běh-nou-t* ‘выбежать’, *níz-k-ý* ‘низкий’ – *s-níž-i-t* ‘снизить’, *otrok* ‘раб’ – *z-otroč-i-t* ‘поработить’, *hvězda* ‘звезда’ – *sou-hvězd-Ø-í* ‘созвездие’, *čas* ‘время’ – *do-čas-n-ý* ‘временный’;

словосложение: *chval-o-zpěv* ‘дифирамб’ (*chvála* ‘хвала’ + *zpěv* ‘песня’), *černobílý* ‘черно-белый’ (*černý* ‘черный’ + *bílý* ‘белый’);

словосложение с суффиксацией: *hor-o-lez-ec* ‘альпинист’ (*hora* ‘гора’ + *lézt* ‘лезть’), *svat-o-václav-sk-ý* ‘святовацлавский’ (*svatý Václav* ‘святой Вацлав’);

сращение: *knih-tisk* ‘книгопечатание’ (*kniha* ‘книга’, род. п. мн. ч. *knih + tisk* ‘печать’, *smyslu-plný* ‘осмысленный’ (*smysl* ‘смысл’, род. п. ед. ч. *smyslu + plný* ‘полный’);

сращение с суффиксацией: *sobě-stač-n-ý* ‘самодостаточный’ (*sobě* дат. п. местоимения *sebe* ‘себе’ + *stačit* ‘быть достаточным’).

2.5.3. Простое предложение может быть двусоставным, содержащим субъект, в некоторых случаях опущенный, и предикат, выраженный личной формой глагола либо включающий такую форму, изредка нулевую, в роли связки (*Dítě spí* ‘Ребенок спит’, (Vy) *Jste velmi hodný* ‘Вы очень добры’, *Všechno (je) ztraceno* ‘Все потеряно’), и односоставным бессубъектным с одним главным членом, глагольным или неглагольным (*Prší* ‘Идет дождь’, *Už je/bylo tma* ‘Уже темно/было темно’, *Nekouřit/Zákaz kouření* ‘Не курить/Курить запрещается’ (букв. ‘запрет курения’) и т. д.).

Синтаксические отношения в простом предложении, согласно чешской грамматической традиции: 1) предикация – отношение между субъектом и предикатом двусоставного предложения, выражаемое обычно посредством синтаксической связи согласования; 2) детерминация (подчинение), выражаемая посредством согласования, управления и примыкания; 3) координация (сочинение).

Со стороны глагольных членов предложение распространяют управляемые ими объектные и примыкающие обстоятельственные члены. Взаимный порядок частей распространяемого такими членами предложения зависит в первую очередь от актуального членения, а также от ряда формальных факторов (простой или составной характер предиката, отсутствие или наличие при глагольной форме возвратного компонента, неместоименное или местоименное выражение второстепенных членов и др.). Так, обычный в двусоставных утвердительных предложениях порядок слов «субъект – предикат – объект – обстоятельство» или иной с субъектом в начальной позиции и предикатом сразу после него (*Angličané pijí čaj tradičně v pět hodin* / *Angličané pijí tradičně v pět hodin čaj* ‘Англичане по традиции пьют чай в пять часов / в пять часов пьют чай’) в случаях, когда

в начало выносятся объект или обстоятельство, заменяется на «объект/обстоятельство – предикат – субъект – обстоятельство/объект» при простом предикате с невозвратным глаголом (*Čaj pijí Angličané tradičně v pět hodin* ‘Чай англичане по традиции пьют в пять часов’, *V pět hodin pijí Angličané tradičně čaj* ‘В пять часов англичане по традиции пьют чай’); при составном предикате субъект ставится между лично- и нелично-глагольной (именной) его частью, при возвратных же глаголах может занимать место между возвратным компонентом и основной глагольной формой (*V pět hodin mají Angličané ve zvyku / V pět hodin si Angličané zvykli (si zvykli Angličané) pít čaj* ‘В пять часов англичане имеют привычку / привыкли пить чай’). Те же закономерности действуют в двусоставных частновопросительных предложениях: *Odkdy pijí Angličané / Odkdy mají Angličané ve zvyku / Odkdy si Angličané zvykli pít v pět hodin čaj?* ‘С какого времени англичане пьют / имеют привычку / привыкли пить чай в пять часов?’, тогда как для общевопросительных (включая глагольные односоставные) характерно вынесение *Verbum finitum* на первое место: *Pijí Angličané dodnes v pět hodin čaj / Mají Angličané dodnes ve zvyku pít v pět hodin čaj?* ‘Англичане до сих пор пьют / имеют привычку пить чай в пять часов?’; ср. также *Bývá v Anglii opravdu často mlha?* ‘В Англии действительно часто бывает туман?’.

В случаях, когда объектные и/или обстоятельственные члены дву- либо односоставного предложения выражены личными и указательными местоимениями (местоименными наречиями), они, не будучи логически акцентированы и соответственно вынесены в начало либо в конец предложения, включаются вместе с некоторыми другими словами в группу энклитик и полуэнклитик (при этом отдельные местоимения, функционируя без предлогов, принимают краткую форму). Эта группа обычно занимает в предложении второе место при следующем порядке основных входящих в нее элементов: I. собственно энклитики: 1) формы вспомогательного глагола ‘быть’ *jsem.../bych...*; 2) возвратные компоненты *se/si*; 3) формы дат. падежа личных местоимений (*mu* ‘ему’, *vám* ‘вам’ и др.); 4) формы род. и вин. падежей личных местоимений (*ho* ‘его’, *jich, je* ‘их’, *tě* ‘тебя’, *nás* ‘нас’ и др.); 5) форма вин. падежа ед. числа среднего рода местоимения *ten* (*to* ‘это’); б) короткие местоименные наречия типа *tam* ‘там, туда’; II. полуэнклитики: 7) другие формы личных местоимений и указательного *ten*, включая сочетания с предлогами (например дат. п. *tomu* ‘этому’, вин. п. *na ně* ‘на них’); 8) формы будущего времени и *l*-причастия вспомогательного или связочного глагола ‘быть’ *буду, byl* и т. д. (не в составе глагольных форм пассива); 9) модальные глаголы (уже в начале группы полуэнклитик могут выступать также частицы и вводные слова типа *asi* ‘наверное’, *prosím* ‘пожалуйста/извини, -те’ и т. п.). Примеры: *Včera jste se ho prý na to měl zeptat* ‘Вчера вы как будто должны были спросить его об этом’, *Teď by mu to už ale vůbec nebylo divné* ‘Сейчас это вообще не показалось бы ему странным’ и т. д.

Распространителями субстантивных членов предложения являются согласованные и несогласованные определения, первые большей частью препозитивные (*ta moje/sestřina nejstarší dcera* ‘эта моя/сестрина старшая дочь’), вторые – постпозитивные (*dcera mé sestry* ‘дочь моей сестры’, *dům o pěti patrech* ‘дом в шесть этажей’ и др.). Препозитивное несогласованное определение может выступать по аналогии с согласованным в генитивных конструкциях, выражающих принадлежность и подобные ей отношения: *Trubeckého a Jakobsonovy studie* ‘работы Трубецкого и Якобсона’ (ср. разг. *Nováková holka* ‘дочь Новаковой’), а постпозитивное (согласованное) – в терминологических и экспрессивных сочетаниях типа *kysličník uhličitý* ‘окись углерода’ и *kluku líná* ‘ты, лентяй!’.

Одновременно от глагольного члена (сказуемого) и от субстантивного члена (субъекта или объекта) зависит так наз. «детерминант сказуемого», или дуплексив (*doplňěk*). Примеры: *Chlapec chodí bosý* / устар. *bos* ‘Мальчик ходит босой’ (согласование входящего в сказуемое прилагательного *bosý* / *bos* с субъектом *chlapec*), *Uznal to za nevhodné* ‘Он счел это неуместным’ (согласование прилагательного *nevhodné* с объектом *to* при глагольном управлении *uznat za* + вин. п. ‘счесть каковым’).

Особый тип согласованного определения представляет собой субстантивное приложение (аппозиция) в сочетаниях типа *město Praha* ‘город Прага’.

2.5.4. Сложные предложения подразделяются в зависимости от формальной выраженности/невыраженности отношений между частями на союзные и бессоюзные. Среди первых выделяются сложносочиненные и сложноподчиненные; маркерами той или иной связи в них служат в основном союзы, относительные местоимения и местоименные наречия (см. 2.3.7.). Среди вторых по характеру смысловых отношений между частями различаются аналогичные подтипы; ср. бессоюзное сложное предложение в авторском тексте Б. Грабала: *Já jsem seděl ve výčepu, skoro vždycky ve výčepu bylo chladno, pil jsem ale limonádu...* ‘Я сидел в пивном зале, почти всегда в зале было холодно, пил, однако, лимонад...’ (первое и третье предложения, последнее с частицей *ale*, связаны семантически подобно частям сложносочиненного с омонимичным союзом, а второе близко придаточному определительному, т. е. *ve výčepu, kde...* ‘в зале, где...’).

2.6.0. Лексические заимствования (помимо общеславянских) проникали в Ч.я., начиная с периода племенных диалектов, в результате контактов западнославянских племён с соседними германскими (ср. др.-чеш. *diek(a)* ‘благодарность’, *děkovati* ‘благодарить’, совр. чеш. *děk, děkovat* с соответствиями во всех западнославянских языках < др.-в.-нем. *denk-*, совр. нем. *Dank, danken* и т. п.). С развитием феодальных отношений заимствовалась немецкая лексика, относящаяся к устройству общества (*šlechta* ‘дворянство’ < др.-в.-нем. *slahta*, совр. нем. *Geschlecht* ‘род’; др.-чеш. *hrabie* ‘граф’, совр. чеш. *hrabě* < др.-в.-нем. *grāveo*, совр. нем. *Graf*; позднее также др.-чеш. *lan(d)tkrabie* ‘ландграф’, *markrabie* ‘маркграф’, *purkrabie* ‘бургграф’), к сфере военного дела (др.-чеш. *rytieř* ‘рыцарь’, позднее ‘мелкий (безземельный) дворянин’, совр. чеш. *rytíř* < др.-в.-нем. *rītaere*, совр. нем. *Reiter* ‘всадник’; др.-чеш. *kruněř* ‘панцирь’, совр. чеш. *krunýř* < др.-в.-нем. *brunna*, совр. нем. *Brünne*), хозяйства (*hák* др.-чеш. ‘вид плуга’, совр. чеш. ‘крюк’ < др.-в.-нем. *hāke*, совр. нем. *Haken*; *lán* ‘полоса поля’, связано с нем. *lehnen* ‘передавать в пользование’; позднее из того же источника *léno* ‘ленное владение’) и др. По мере распространения христианства были заимствованы многие соответствующие термины – часто через посредство немецкого языка – латинского либо также греческого происхождения (*kostel* ‘церковь’, ср. нем. *Kastell* ‘крепость’, ‘замок’ < лат. *castellum* ‘крепость’, ‘укрепление’; *klášter* ‘монастырь’ < др.-в.-нем. *klōstar*, совр. нем. *Kloster* < лат. *claustrum* ‘закрытое место’; *mnich* ‘монах’ < др.-в.-нем. *munih*, совр. нем. *Münch* (поэт.), *Mönch* < лат. *monicus* < греч. *μοναχός* и др.); к северо-восточным итальянским диалектам восходит чешское название основного христианского символа: *kříž* ‘крест’ (< *krūže*, лат. *crux*). В формировании христианской терминологии Ч.я. велика доля великоморавского (старославянского или более позднего чешско-церковнославянского наследия (ср., в частности, *Hospodin* ‘Господь’ и другие церковнославянизмы в древнечешском духовном гимне *Hospodine, pomiluj ny!* ‘Господи, помилуй нас!’; лексема *Hospodin* в XV в. была заменена на *Pán*, позднее отчасти восстановлена).

В период расцвета феодального чешского государства, в условиях интенсивной с конца XIII в. немецкой колонизации, в Ч.я. возросло количество немецких заимствований, а также латинизмов, воспринимаемых непосредственно или через немецкое посредство. Против засилья германизмов, особенно в городской речи, в XV в. выступал Ян Гус, упрекавший пражан и других чехов в том, что они говорят *hantuch* 'полотенце' (< нем. *Handtuch*) вместо *ubrusec*, *šorc* 'фартук' (< нем. *Schürze*) вместо *zástěra*, *knedlík* 'изделие из варёного теста' (< южнонемецкое *Knödel*) вместо *šiška*, *pancěť* 'панцирь' (< нем. *Panzer*) вместо *kruněř* (также германизм), *marštále* 'конюшня' (< нем. *Marstall*) вместо *konnice*, *mantlík* 'плащ' (< нем. *Mantel*) вместо *pláštiek*, *forman* 'возница' (< нем. *Fuhrmann*) вместо *vozataj* и др. Из отвергаемых Гусом германизмов в общем употреблении, однако, до сих пор удерживается слово *knedlík*, а в обиходном Ч.я. *maštal*, *forman*. При этом ни сочинения самого Гуса, ни последующая литература так называемого гуситского периода (первая треть XV в.) не свободны от германизмов, ср. в боевом гимне гуситов «Вы, воители Господни»: *drabant* 'пехотинец' < нем. *Trabant* 'телохранитель', *hauptman* 'капитан' < нем. *Hauptmann*, *retuj* 'спасай' < нем. *retten* 'спасать' и др.

К периодам Ренессанса, Гуманизма и барокко относятся многочисленные заимствования в первую очередь в литературном Ч.я. из латыни или через посредство латыни из греческого (в области науки и школьного образования: *akademia* 'академия', 'высшая школа', совр. *akademie*; *bibliotéka* 'библиотека', совр. *knihovna*, *lekcí* 'урок', совр. *lekce*; в области административной терминологии: *akta* 'дело', *appellovati* 'апеллировать', совр. *apelovat*, и др.), из романских языков, главным образом из итальянского и испанского (в области военного и особенно морского дела: *marinář* 'моряк', совр. *námořník*, *náve* 'корабль', совр. *lod'*, и др.), а также, в условиях все более тесной интеграции с империей Габсбургов, из нсмсцкого: ср. германизм в первоначальном названии главного литературного труда писателя-эмигранта XVII в. Я. А. Коменского «Лабиринт света и Рай сердца»: «*Labirynth světa a Lusthauz* (< нем. 'беседка') *srdce*» (позднее заменено на «... *Ráj srdce*»).

Пуристическая направленность языковой программы деятелей национального возрождения, начиная со второй половины XVIII в., привела к вытеснению из литературного Ч.я. большинства германизмов (и некоторых других европеизмов), кроме давно освоенных. Они, однако, во многих случаях вплоть до настоящего времени сохраняются в обиходном Ч.я., часто как экспрессивные и стилистически маркированные слова (*fotr* 'папаша' < нем. *Vater* 'отец', при обычном *táta*, *tatínek* 'папа', *otec* 'отец'; *ksicht* 'рожа' < нем. *Gesicht* 'лицо', при обычном *obličej* 'лицо'; *špacírovat* 'гулять' < нем. *spazieren*, при обычном *procházet se*). В духе концепции славянской взаимности в период национального возрождения в словарный состав литературного Ч.я. были включены некоторые заимствования из других славянских языков, сохраняющиеся на современном этапе как книжные лексемы, например: из русского *sudba* 'судьба' при обычном *osud*, *vesna* 'весна' при обычном *jaro*; из польского *sličný* 'прекрасный'; из сербского *snacha* 'сноха'.

В период после Второй мировой войны из русского в Ч.я. активно проникали «советизмы» (ныне практически вышедшие из употребления), а также, в условиях существования чехословацкого социалистического государства, отдельные словакизмы: *výdobytek* 'достижение' (чеш. *vymoženost*), *dovolenka* 'отпуск (у солдат)' (чеш. *dovolená*). В новейшее время распространяются лексические заимствования из западноевропейских языков, в особенности из английского: *billboard* 'рекламный щит', *speaker/spíkr* 'спикер', *fax* 'факс', *on-line* 'онлайн', *leasing* 'лизинг', *cash/keš* 'наличные', *second-hand* > *sekáč* 'секонд

хэнд', *oukej* 'окей' и др. Некоторые новые заимствования могут стилистически дифференцироваться со старыми и с собственно чешскими лексемами, ср. слова с общим значением 'торговля': нейтральное исконно чешское (с XV в.) *obchod* – устаревшее обиходное пейоративное *handl* (< нем. *Handel*) – современное *shopping* 'шопинг' (< англ.).

2.7.0. Собственно чешские и три группы моравских диалектов (см. 1.2.1.) отличаются друг от друга и литературного Ч.я. в первую очередь наличием/отсутствием в системе вокализма долгих гласных и дифтонгов и составом долгого вокализма. Собственно чешские диалекты характеризует наличие долгих гласных (за исключением /*ō*/, /*ē*/ во всяком случае в исконно чешских неэкспрессивных словах), дифтонга /*o* / < **ū* и дифтонгического сочетания /*ej*/ < **ū* и в неравномерном объеме **ī*, а также на месте односложного **aj*, например: *mo ka* 'мука', *neso* 'они несут', *o skej* 'узкий', *bejt* 'быть', ц.-чеш. и сев.-вост. *cejítit* 'чувствовать', *vozejk* 'повозка' при юго-зап. *cítit*, *vozik* (литературный Ч.я. воспринял первое изменение, кроме начала корня, а второе – только в позициях *ej* < **aj*, ср. чеш. диал. и лит. *dej* 'дай', *nejdelší* 'самый длинный'). Для центральноморавских диалектов характерно изменение /*o* / в /*ō*/ и /*ej*/ в /*ē*/ (*móka*, *nesó*, (*h*)*óské*, *bét*, *dobré*, *dé*, *nédelší*). В собственно чешских и в центральноморавских диалектах имело место также «сужение» *ē* > *ī* (в ряде случаев воспринятое и литературным Ч.я.), ср. *dobří mlíko* 'хорошее молоко'. Восточно- и североморавские диалекты таких изменений **ū*, **ū* (*ī*), **aj*, *ē* в целом не знали: в восточноморавских диалектах сохраняется старая система долгих гласных, а в североморавских они сократились.

В области консонантизма главные диалектные отличия касаются мягких согласных. Так, к парным мягким согласным в большей части собственно чешских и центральноморавских диалектов относятся только /*n*'/, /*l*'/, /*d*'/. Притом в моравских диалектах, включая восточно- и североморавские (здесь по говорам /*l*'/, /*d*'/ изменяются в /*c*'/, /*ǰ*'/ или /*č*'/, /*l*'/), они шире функционируют в конце слова и перед согласными, например, ц.-мор. и вост.-мор. *svadba* 'свадьба', *kost* 'кость', *kořen* 'корень' – чеш. *svadba*, *kost*, *kořen*, но *kūn* < **kōňjь*, как и перед гласными, особенно непереднего ряда, например, ц.-мор. и вост.-мор. *d'íta* 'дитя', род. п. ед. ч. *staven'á* 'здания', дат. п. ед. ч. *staven'ú/staven'ó* 'зданию' – чеш. *d'ít'e*, *staven'í* (= им.-вин. п. ед. ч.) в результате древнечешских перегласовок *ā* > *ě*, *'u* > *i*; ср. также сев.-мор. *d'en'ǰ'en'* / *en* 'день' – чеш. *den* (< **dьнь*). В восточно- и североморавских, в соседствующих с ними центральноморавских и в периферийных чешских диалектах (юго-западных и северо-восточных), помимо этого, образуют пару мягкий *l'* либо «среднеевропейский» *l* и твердый *l* или его замена – губно-губной *l*. В североморавских диалектах выступают еще мягкие *s'*, *z'* (переходящие по говорам в *š*, *ž*), а в североморавско-польском пограничье и местами в восточноморавских и в окраинных южночешских говорах – мягкие губные согласные. В остальном былую мягкость губных согласных отражает йотация или, как у *m* в Чехии, кроме окраинных говоров на юго-западе, и в отдельных областях Центральной Моравии, эпентеза *n'*; ср. общечеш. *nevjesta* 'невеста', *hřibje* 'жеребенок' (вост.-мор. и сев.-мор. *hřibja/hříb'a*, *hřybja/hřyb'a*), *zemn'e* 'земля' (ц.-мор. твор. п. ед. ч. *pod zemj'ó/zemn'ó* 'под землей'), а также юго-зап. чеш. *pjivo* 'пиво', *bjilej* 'белый', вост.-мор. и сев.-мор. *bjič/bjyč* 'кнут, бич'.

Из других диалектных особенностей консонантизма заслуживают внимания различная реализация *v* (в северо-восточных чешских и в смежных центральноморавских говорах в виде *v* не перед гласными в качестве альтернанта губно-зубного *v* или, на окраинах, *w* в любой позиции: *pra da* 'правда', периферийн. *wiprawowat* 'рассказывать'), а также комбинаторные явления, в частности, упрощение/неупрощение геминат (ср. общечеш.

kamenej ‘каменный’, *bezubej* ‘беззубый’, *před domem* ‘перед домом’ – сев.-вост. чеш. *kamennej/kamednej*, юго-чеш. и юго-мор. *bejzubej, přej domem* и т. д.), ассимиляции согласных по глухости/звонкости, особенно оглушение/озвончение в группе *s + h* (ср. собственно чешское произношение [sɔd’it] ‘сбросить’ при [zɔd’it] в восточной части Центральной Моравии, аналогично в Восточной и Северной Моравии чеш. *schod’it* ‘сбросить’ – вост.-ц.-мор. *zhod’it*, аналогично вост.-мор. и сев.-мор.) и тип сандхи перед гласными и сонорными (ср. чеш. *uš abis ut’ikal* ‘ты бы уже бежал’, *núš navíc nemám* ‘лишнего ножа у меня нет’ – вост.-ц.-мор. *už abiz ut’ekal, núž navíc nemám*, аналогично вост.-мор. и сев.-мор.), разнообразно распределенные протетические согласные – ‘ (гортанный приступ), *v* и *h* (ср. чеш. *‘abi jenom nep šelo* ‘только бы не пошел дождь’, *von tam nebil* ‘его там не было’ – ц.-мор. *habi/habe en’im nep šelo*, вост.-мор. *‘on tam nebyl*) и др.

Морфологические отличия отчасти мотивированы неодинаковой по говорам реализацией отдельных фонетических процессов в истории Ч.я. Так, с отсутствием древнечешских перегласовок *ä* (из **e, *a, *bja*) > *ě, ’u* (в том числе из **bju*) > *i* или аналогичным устранением их результатов в моравских диалектах связана меньшая дифференциация в них по сравнению с собственно чешскими говорами твердых и мягких типов склонения имен и местоимений (ср. ц.-мор., вост.-мор. и сев.-мор. *naša ulica* ‘наша улица’, вин. п. ед. ч. *našu ulicu* – чеш. *naša ulice, naši ulici*), а отчасти и спряжения глаголов (ц.-мор., вост.-мор. и сев.-мор. 1-е лицо ед. числа презенса *chcu* ‘хочу’ – чеш. *chci*). Фонетический источник имеют также окончания *-oj < -ow’i* в дат.-местн. падеже ед. числа одушевленных существительных муж. рода в северо-восточных чешских говорах (*ocoj* ‘отцу, (об) отце’ – ц.-чеш. *ocovi/otcovi*), как и завершение *-ojc/-o c/-oc/-uc < -ow’ic* у «семейно-притяжательных» форм типа *Novákojc* ‘семья Новаков’ в юго-западных говорах (ц.-чеш. *Novákovíc*, см. 2.3.4.), долгота в окончании им. падежа мн. числа одушевленных существительных муж. рода в юго-западных говорах (*sedláci* ‘крестьяне’ – ц.-чеш. *sedláci*) и другие явления. Некоторые собственно морфологические черты отражают специфические результаты развития тех или иных категорий, например, неизменяемые формы притяжательных прилагательных на *-ovo/-ino* типа *bratrovo* ‘братов, брата’, *sestřino* ‘сестрин, сестры’ в юго-западных чешских говорах: *sousedovo pes* ‘соседская собака’, *z mámino taški* ‘из маминой сумки’ и т. п. Другие обязаны своим возникновением действию аналогии, ср. особенно презентные формы 3-го лица мн. числа глаголов типа *prosit* ‘просить’, *umět* ‘уметь’: ц.-чеш. и сев.-вост. чеш. *prosej(i/i), umn’ej(i/i)* – юго-зап. чеш. *prosí, umí* – ц.-мор. *prosijó, umijó* – вост.-мор. *prosi/prosá/prosijú/prosyjú/prosyjá, umi/umjá/umijú/um’ijá* – сев.-мор. *prosa/pros’o/prošy/prošu, umja/umjo/umi/umju*. Отдельные явления имеют еще праславянское происхождение, например, окончания презентных форм 1-го лица ед. числа глаголов: общечеш. *-me/-m* – сев.-мор. *-my/-m* (вторые варианты – не у глаголов с формой 1-го лица ед. числа на *-m*), ср. общечеш. *neseme/nesem* – сев.-мор. *n’esemy/n’esem* ‘мы несем’.

Между диалектами Ч.я., главным образом между собственно чешскими вместе с западной частью центральноморавских и остальными моравскими, существуют также лексические различия, например: чеш. *žito* ‘рожь’, *ves (vesnice)* ‘деревня’ – мор. *rež, d’ed’ina* (сев.-мор. также *ž’ež’ina/ e ina*); общечеш. *kluk* ‘парень’ (юго-зап. чаще *chlapec*, сев.-вост. чаще *hoch*) – вост.-мор. *pacholek*, сев.-мор. *synek*; общечеш. *dělat* ‘делать, работать’ – сев.-мор. *robiť/robic’/robič*) и т. д.

ЛИТЕРАТУРА

- Травничек Ф.* Грамматика чешского литературного языка. Ч. I. Фонетика – словообразование – морфология. М., 1950.
- Широкова А. Г.* Чешский язык // Славянские языки (Очерки грамматики западнославянских и южнославянских языков). М., 1977.
- Широкова А. Г., Васильева В. Ф., Едличка А.* Чешский язык. М., 1990.
- Широкова А. Г., Нецименко Г. П.* Становление литературного языка чешской нации // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978.
- Нецименко Г. П.* Этнический язык: Опыт функциональной дифференциации. На материале сопоставительного изучения славянских языков. München, 1999.
- Чешско-русский словарь / Ред. Л. В. Копецкий, Й. Филипец и О. Лешка. М.; Прага, 1973.
- Bělič J.* Nástin české dialektologie. Praha, 1972.
- Cvrček V. a kol.* Mluvnice spisovné češtiny: Jak se píše a jak se mluví. D. 1. Praha, 2010.
- Čechová M. a kol.* Čeština – řeč a jazyk. Praha, 2000.
- Český jazyk na přelomu tisíciletí / Fr. Daneš a kol. Praha, 1997.
- Český jazykový atlas 1–6 / Red. Jan Balhar a kol. Praha, 1992–2011.
- Dokulil M.* Tvoření slov v češtině. I. Teorie odvozování slov. Praha, 1960.
- Encyklopedický slovník češtiny. Praha, 2002.
- Grepl M., Karlík P.* Skladba češtiny. Olomouc, 2002.
- Havránek B.* Vývoj spisovného jazyka českého // Československá vlastivěda. Praha, 1936, díl II.
- Havránek B., Jedlička A.* Česká mluvnice. Praha, 1981.
- Lamprecht A., Šlosar D., Bauer J.* Historická mluvnice češtiny. Praha, 1986.
- Mluvnice češtiny. Díl I–III. Praha, 1986.
- Pravidla českého pravopisu s výkladem mluvnice. Praha, 2005.
- Příruční mluvnice češtiny. Praha, 1997.
- Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. Praha, 2005.
- Štícha F.* Akademická gramatika spisovné češtiny. Praha, 2013.